

А. ПОНОМАРЁВ

ПОД ПЕПЛОМ ВЕЧНОСТИ

Наследие Предтеч

18+

Под пеплом вечности

Александр Пономарев

**Под пеплом вечности.
Наследие Предтеч**

«Автор»

2026

Пономарев А. В.

Под пеплом вечности. Наследие Предтеч / А. В. Пономарев —
«Автор», 2026 — (Под пеплом вечности)

Великое молчание космоса было иллюзией, спасавшей нас. Первым вестником её конца стал "Герон" — внеземной корабль-призрак, замерший на окраине Солнечной системы. Немой свидетель чужой войны. Для враждующих сверхдержав, ТЗС и РКК, он — ключ к господству. Для экипажа корабля "Прометей" — билет в один конец. Но ещё до старта его команда становится свидетелем загадочных событий, ведущих к шокирующему открытию: люди — не первый разумный вид на Земле. Наша цивилизация воздвигнута на руинах другой — гораздо более древней расы, наследие которой ведет за пределы нашей планеты. Теперь корабль-призрак стал главной загадкой. Связан ли он с древними хозяевами планеты? Кто его сбил? Что он несет — технологический скачок или смертельный приговор? Чтобы узнать это, команде «Прометей» нужно первой добраться до артефакта и разгадать тайну Предтечей. Но не окажется ли цена этих ответов выше, чем само человечество?

© Пономарев А. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Призрак на краю системы	6
Глава 2. Сокрытое влияние	12
Глава 3. Грани отражений	21
Глава 4. Поверь глазам своим	33
Глава 5. Тот, кто знает тропы	42
Глава 6. Сквозь слои времени	53
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Под пеплом вечности. Наследие Предтеч

«Посвящается всем мечтателям»

Пролог

Казалось, холодная война для человечества так и не закончилась. К две тысячи сороковому году она лишь остыла и затвердела, выкристаллизовавшись в две непримиримые сверхдержавы: Трансатлантический Западный Союз и Российско-Китайскую Коалицию. После инцидента в Охотском море мир, оказавшись на краю ядерной пропасти, судорожно искал выход. И нашел его – в бегстве в космос. Освоение Луны и Марса было не триумфом, а отчаянием – переносом старой вражды на новые, безжизненные арены.

Эта новая, неестественная эра экспансии только набирала обороты, когда в две тысячи шестьдесят третьем году обсерватории по всему миру зафиксировали нечто, выходящее за рамки любых земных сценариев. Три коротких, идеально четких, необычных сигнала из глубокого космоса врезались в телескопы.

Именно тогда, под покровом таинственности, было создано подразделение «КРИЗИС». Расшифровывалось название просто – «Китайско-Российское Исследование Звезд и Систем». Но его истинная цель была куда монументальнее: стать первым и последним рубежом человечества перед лицом всего, что могло прийти за этими сигналами вслед.

Глава 1. Призрак на краю системы

Воздух в обсерватории был густым, спертым, пропитанным запахом перегретого кремния и пылью, ввевшейся в переплеты книг из профессорской библиотеки. Мира провела здесь последние два года, и этот смог стал частью ее жизни, как отпечатки пальцев на клавиатуре. Она уже не замечала ни его, ни мерцания десятков экранов, отливавших на ее бледное, исхудавшее от бессонных ночей лицо синевой. Два года. Два года тишины после поступивших сигналов, которая съедала изнутри.

Она почти не смотрела на экран, ее пальцы, тонкие и нервные, привычно листали строки зашифрованных данных. Рутинная. И вдруг пальцы замерли. Пролетали назад.

На телеметрии с дальних постов – крошечная, но упрямая аномалия. Там, где ничего нового не должно было быть – в ледяной пустоте сразу за орбитой Плутона. «Сбой», – подумала она, с холодком под ложечкой. Старое, как мир, отчаяние ученого, ожидающего чуда и пугающегося его. Но перепроверка на трех независимых системах дала один результат. Объект. Массивный. Не числящийся ни в одном каталоге.

Сердце заколотилось. Она запустила углубленный анализ полученных данных, затаив дыхание. Первые данные пришли через пятнадцать минут. Размеры... не укладывались в голову. «С целый мегаполис... нет, больше...» Форма... не соответствовала ни одному известному небесному телу. И самое главное – траектория и скорость входа в систему указывали на межзвездное происхождение.

В горле встал ком. Это был не астероид.

“ТЗС уже знает?” – промелькнула первая, отточенная годами противостояния, мысль. Нет, не могут, наши телескопы в этом секторе лучше... Нельзя терять время.

Мира схватила телефон. Два гудка. Три.

– Алло? – Голос профессора Каримова был сонным, возрастным, но в нем все еще угадывалась стальная пружина интеллекта.

– Игорь Викторович... Протокол «Немой». Кажется, мы нашли кое-что. Вернее, оно само нас нашло.

– Мира? Что случилось? – Голос мгновенно проснулся.

– Объект. Похож на искусственный. На окраине системы. Он... чужой. Данные шлю. Игорь Викторович, он огромный.

Тяжелое дыхание на том конце трубки.

– Никому ни слова. Я еду.

Дверь в зал совещаний закрылась, отсекая привычный мир. Мира на мгновение ослепла, прежде чем глаза привыкли к полумраку. Воздух здесь был холодным и неподвижным. Единственным источником света был экран, занимающий всю стену.

Генерал, стоя перед ним, даже не обернулся на шум входящих, полностью уйдя в созерцание изображения.

Мира перевела туда взгляд, и дыхание сперло. Теперь, с привлечением всей мощи доступных телескопов, пришелец предстал перед ней не набором цифр, а четким, пугающим изображением.

Это было нечто, с трудом поддававшееся земной логике. Два колоссальных, идеально параллельных силуэта. Их форма отдаленно напоминала гигантские клинки, лишённые острия – гладкие, вытянутые, непостижимо огромные. Матовый темно-серый материал их поверхностей поглощал свет, делая их похожими на бледные дыры в ткани космоса.

Мира, изучавшая данные на своем планшете, мысленно пыталась осознать масштаб. Их крошечные лунные станции были пылинкой рядом с этим титаном.

Длинные кромки исполинов были подчеркнуты приглушенным сиянием, похожим на отблеск сплава золота и серебра. А в самом центре, между ними, висел третий объект – меньше, но столь же загадочный, каплевидный, словно живое ядро этой чужеродной архитектуры.

Профессор Каримов молча встал рядом с генералом. Его жилистые пальцы нервно терзали край старого, потрепанного блокнота – символ вечной веры в бумагу.

Мира пыталась не смотреть на двух молчаливых людей в штатском вставших рядом у стены. Они были частью мебели, их бесстрастные лица – масками, за которыми ничего не читалось.

– Докладывайте, Игорь Викторович, – голос генерала был ровным, как бетонный пол.

– Мы назвали объект – «Герон», – заговорил Каримов, – Его размеры... превышают самые крупные города. Масса – десятки мегатонн. Происхождение – неизвестно. Активность – нулевая. Ни сигналов, ни излучений, ни следов движения.

– Это точно корабль? – спросил один из «штатских», его взгляд был пустым и острым одновременно. – Или станция? Или оружие способное уничтожить нашу планету? Вы понимаете, с чем мы имеем дело?

Каримов сделал паузу, голос дрогнул.

– Мы имеем дело с объектом, чья масса является оружием сама по себе. Корабль это, станция или ковчег – не имеет значения. Падение любого его фрагмента на Землю будет равнозначно падению крупного астероида. Их технология... Она не просто другая. Она непонятна. А значит, непредсказуема.

В наступившей тишине генерал медленно прошелся вдоль стола. Его тень, искаженная и вытянутая, легла на изображение, накрыв собой прищельца.

– Значит будем считать угрозу абсолютной до тех пор, пока не узнаем о нем больше, – тихо произнес генерал, и от этих слов стало еще холоднее. – Он может быть мертвым?

– Мертвые корабли не прилетают из других звездных систем, – тут же парировал «штатский». Поэтому вопрос в другом – почему он молчит? Наблюдает? Или нас просто не принимают во внимание? Также как муравейник, стоящий на пути бульдозера.

Именно в этот момент Мира, изучавшая свежие данные на своем планшете, ахнула.

– Простите... Я думаю, я знаю, почему он молчит.

Все взгляды устремились на нее.

– Вот, усиление контраста... Видите? – она вывела изображение на общий экран. – Обшивка в нижней секции... она не цельная. Края... оплавлены. Похоже на следы точечных, мощных ударов. Он сильно поврежден.

В кабинете повисло тяжелое, полное ужаса молчание. Теперь все было иначе. Это был не просто визитер. Это был беглец.

– Тогда кто его повредил? – тихо спросил второй «штатский». Вопрос повис в воздухе, требуя ответа.

Ответа, которого ни у кого не было.

Раквере – почему-то подумала Мира, вспомнив старые сводки о том пограничном конфликте, едва не переросшем в нечто большее. Холодный ужас от осознания, что война может прийти не из-за океана, а из-за пределов Солнечной системы, сковал ее.

– Следы боя... – тихо произнёс Каримов, и в его голосе прорвалась надежда. – Раненые... Им может потребоваться помощь. Понимаете? Это не просто контакт. Это шанс – не только помочь, но и показать себя с лучшей стороны. Мы обязаны отправить экспедицию.

– И лезть в пасть к раненому зверю? – парировал «штатский». – Или нарываться на гнев тех, кто его преследует? Наш долг – защитить Землю. Нам нужно оружие. Способность уничтожить эту штуку, если она чихнет в нашу сторону.

– Хватит смотреть на космос через прицел! – Каримов ударил ладонью по столу. – Если мы начнем с угрозы, мы получим войну! А по зубам ли она нам? Мы ничего о них не знаем! Вы хотите повторить ошибки прошлого, но на вселенском масштабе?

Молотов поднял руку, останавливая спор.

– Решение не за нами. Мы готовим варианты. Отчет – Президенту через час. ТЗС наверняка уже тоже знают об этом госте... Профессор, мне нужно поговорить с Вами наедине. Остальные свободны.

Покинув зал, Мира прислонилась к холодной стене. Внезапно ей показалось, что стены этого секретного бункера смыкаются, запечатывая ее вместе со знанием, которое теперь весило как гиря. Ей нужно было на улицу. Немедленно.

Она практически бежала до двери, пока морозный воздух наконец не обжег легкие. Сделав глубокий вдох, она запрокинула голову. Всего несколько часов назад это небо, усыпанное бесчисленными алмазами, было для нее источником тихой радости и мечтаний. Она искала в его узорах ответы на вечные вопросы, чувствуя себя частью чего-то грандиозного и прекрасного.

Теперь же та же самая картина казалась ей черной, бездонной пустотой, усеянной холодными, безразличными точками. Звезды, которые она так любила, смотрели на нее недружелюбно, как стражники у ворот в неизвестность.

– Звезды... Что же вы нам принесли? – прошептала она, и слова застыли в воздухе маленьким облачком.

Три дня. Семьдесят два часа, которые разделили историю на «до» и «после». Семьдесят два часа с того момента, как президент, спокойным и уверенным голосом, объявила человечеству, что оно не одиноко во Вселенной.

Генерал Молотов стоял в центре своего темного кабинета, освещенный лишь мерцающей настенной панелью. Его непроницаемое лицо было обращено к экрану с абсолютной сосредоточенностью. Он молча переключал каналы, вглядываясь в мелькающие образы, словно пытаясь прощупать пульс охваченной лихорадкой планеты.

Щелк. Государственный канал. Восторженный ведущий на фоне инфографики с улыбающимися инопланетянами. Заголовок: «ВЕЛИКОЕ ОТКРЫТИЕ: ЭРА ДИАЛОГА».

Молотов смотрел, не моргая.

Щелк. Оппозиционный новостной портал. Истеричный ведущий тыкал указкой в злоеще подсвеченное изображение «Герона». Бегущая строка: «ПРАВИТЕЛЬСТВО СКРЫВАЕТ ПРАВДУ!»

Пальцы Молотова крепче сжали пульт.

Щелк. Прямой эфир с площади Единства. Тысячи людей со свечами, поют что-то о мире и единстве. Плакаты «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ» и «МЫ ГОТОВЫ» качались над толпой.

Генерал почувствовал кислотоватый привкус во рту. «Готовы. К чему?»

Щелк. Международный аналитический канал. Седая голова в студии рассуждала о гонке за инопланетными технологиями и новых военных бюджетах.

“Вот он”, – холодно констатировал про себя Молотов. – “Единственный трезвый голос в этом хоре безумия. И от этого не становится легче.”

Он резко выключил панель, и кабинет поглотила тишина. Подойдя к панорамному окну, он уперся плечом в холодное стекло. Город внизу сиял, жил своей ночной жизнью, но для Молотова он теперь выглядел иначе. Хрупким. Наивным. Глухим.

Его взгляд скользнул по огням небоскребов, по редким машинам, по одиноким прохожим. Он видел не это. Он видел отмененные гражданские контракты в своих докладах. Видел

панические закупки в супермаркетах. Видел родителей, не отпускающих детей из дома. Видел эту всепроникающую, липкую тревогу, которую не могли скрыть ни официальный оптимизм, ни уличное ликование.

Они боялись «Герона». Боялись пришельцев. Боялись будущего.

Он сделал глубокий вдох, и его плечи, всегда такие прямые, на мгновение ссутулились под невидимой тяжестью.

– Вы смотрите на тень, дрожащую на стене. Я же думаю о том, что ее отбрасывает.

Майор Комаров стоял у панорамного окна на сороковом этаже, взирая на площадь внизу. С этой высоты праздник терял свои краски, превращаясь в обезличенное движение. В едином порыве тысяч людей, поднявших лица к небу, было что-то щемящее и беззащитное. Они ждали чуда, знака, надежды – чего угодно, что могло бы заполнить пугающую пустоту, нависшую над миром после новости о «Героне».

В этот момент воздух содрогнулся. Не от грохота, а от низкочастотного гула, который входил прямо в кости. Он исходил от трех угловатых силуэтов, медленно проплывающих в разрыве густых облаков.

«Скифы» – первые в мире экспериментальные гравитационные буксиры, способные силой своего поля сдвигать целые астероиды. Их матово-черные корпуса, поглощавшие большую часть света, отсвечивали лишь по краям граней, где лучи прожекторов выхватывали сложнейшую вязку энергоканалов.

Они не поражали гигантизмом, но в их размеренном властном движении была новая эра. Эра, в которой человечество больше не раб космоса, а его хозяин. Эти корабли обещали отводить угрозы от Земли и притягивать к ней богатства пояса астероидов. Они были воплощением не мощи разрушения, а мощи созидания, стремления к укрощению самой гравитации.

Но Комаров видел в их матово-черных, рубленых формах не триумф, а холодный расчет. Железный аргумент в споре с космосом, лишенный всякой поэзии.

– Народу нужна уверенность, майор. Хотя бы ее видимость, – раздался рядом ровный голос. Молотов не подошел – он просто возник из полумрака кабинета. – Люди внизу видят спасение. Мы же с тобой должны видеть инструмент.

Комаров лишь скрестил руки.

– Товарищ генерал. Я не понимаю, зачем мне смотреть на это. Я – боевой офицер. Мои задачи лежат на земле. У противника есть лицо, оружие и координаты. А не призрачные очертания с окраины Солнечной системы.

– Именно поэтому ты здесь, Владислав. Потому что ты не веришь в парады. – Молотов жестом указал на плывущие корабли. – Вся эта помпезность – для них. Для газетных заголовков. Но за ней стоит реальность, которая не терпит ошибок. Реальность, у которой пока нет ни лица, ни мотивов.

В этот момент небо над площадью полыхнуло серией ослепительно-белых вспышек пробных разрядов. Свет на мгновение озарил неподвижное лицо Комарова, отразив от стекла взгляд его стальных глаз.

– Через два года к объекту «Герон» отправится корабль. Ваша задача – обеспечить безопасность экипажа и принять решения в нештатных ситуациях. Мне нужен человек, который не растеряется в абсолютно неизвестной среде. Ваши действия в Раквере доказали, что вы способны на это.

Комаров мрачно хмыкнул. Перед глазами на мгновение мелькнуло задымленное небо, лицо одного из его ребят. Трое. Цена за то, чтобы локальный конфликт ТЗС и РКК не превратился во что-то большее.

– В Раквере я потерял троих подчиненных, товарищ генерал. Потом миссия в Арктике... – он сжал зубы, – с тех пор я не беру операции под свое командование. Уверен, есть кандидаты лучше.

– Я предлагаю вам не командовать миссией, а стать правой рукой капитана – его старшим помощником. Ваш опыт принятия решений в условиях тотального хаоса – наш стратегический актив. Тот самый «стержень», на котором держится порядок, когда все летит в тартарары.

Комаров долго молчал. Он смотрел на корабли, плывущие в праздничном небе, но не видел их – его взгляд был обращен внутрь себя.

– Два года уйдет на подготовку? – наконец уточнил он.

– Да. И время уже пошло.

Майор наконец отошел от окна, и обернувшись к генералу, произнес:

– Товарищ генерал, если это не прямой приказ, то прошу предоставить мне время на раздумья до утра.

– Вполне разумно, майор. – Молотов кивнул. – Жду завтра в девять в моем кабинете.

Комаров коротко кивнул, отдал честь и направился к выходу. В этот момент небо полыхнуло первыми залпами фейерверка. Он на мгновение застыл в дверном проеме. Вспышки фейерверка – то ядовито-зеленые, то кроваво-багровые – накладывались на его неподвижное лицо, и от этого знакомые черты казались чужими, принадлежащими не ему, а тому, кем ему предстояло стать.

Ночь майор провел почти без сна. Он стоял у окна своей квартиры, вглядываясь в редкие огни города, где кое-где еще догорали праздничные огни. Мысли металась. Майор не был ученым, мечтающим о контакте. Он был солдатом, видевшим цену ошибок. Лесть и амбиции его не интересовали. Но в этом вызове была страшная, не отрицаемая правда: если угроза реальна, лучше встретить ее как можно дальше от Земли, подальше от этих ликующих толп и новых, блестящих кораблей. К утру решение созрело – твердое и безрадостное.

– Входи, Владислав, присаживайся. – На следующее утро генерал Молотов сидел в своем строгом, функциональном кабинете, где на стене висела лишь одна карта – схема Пояса Койпера. – Что скажешь?

– Я готов, товарищ генерал, – ответил Комаров, занимая стул.

– Вот и славно. Тогда с этого момента ты официально в подразделении «КРИЗИС». Добро пожаловать.

Молотов кратко изложил план: построить исследовательский корабль за два года. В команду войдут китайские специалисты: капитан – полковник Лиу Минг, гениальный инженер Су Дэй, а также врач, к тому же снайпер Лин Мэй. Задача Комарова – подобрать российскую часть экипажа.

– Вам нужны три человека, – генерал протянул ему тонкую, но увесистую папку.

Комаров взял ее и раскрыл на бегунке. Первый лист – молодое, серьезное лицо в летной форме.

– Лейтенант Павел Ельчин. Пилот, – прокомментировал Молотов, пока майор пробежал глазами графы с феноменальной координацией и оценками по нестандартному пилотированию. – Талантливый парень.

Лист хрустнул. Следующая фотография – широкоплечий мужчина с открытым, чуть авантюрным лицом и смеющимися глазами.

– Капитан Глеб Филатов. Славный малый, правда, немного шумный. Он обеспечит силовое прикрытие.

И, наконец, третий лист. На фото – привлекательная молодая женщина с пронзительным, умным взглядом.

– Мария Белова. Ученый, лингвист, археолог.

– Ключевая фигура, – голос Молотова стал суше. – Вся миссия затевается ради нее, для установления контакта. И вот с ней... могут быть сложности. Она уже была в «КРИЗИС» когда-то, а потом ушла, громко хлопнув дверью. Не смогла распознать те три сигнала из глубокого космоса.

Комаров закрыл папку, мысленно составляя первые впечатления. Молодой гений, рубаха-парень и «трудный» ученый. Интересный микс.

– Понял, товарищ генерал. Займусь вербовкой, – кивнул он.

Молотов замолчал, его взгляд стал тяжелым и изучающим.

– Майор... занимаясь командой, не удивляйся, если твое представление о возможном и невозможном начнёт трещать по швам. "КРИЗИС" – это не только про космос. Доверься своему опыту, но будь готов его пересмотреть.

Комаров нахмурился, но кивнул. Вопросов не было. Вернее, они были, но задавать их сейчас казалось бессмысленным.

– И последнее, – Молотов скрестил пальцы, – Получены новые данные. «Герон» восстанавливается от повреждений. Медленно, но верно. Так что наша гонка со временем – и с ТЗС – уже началась.

Выйдя из кабинета, майор впервые ощутил тяжесть предстоящего пути. Где-то там, в бездне, тихо заживал могучий исполин, а ему предстояло собрать команду, которая встретится с ним лицом к лицу.

Вчерашние корабли теперь казались просто игрушками.

Глава 2. Сокрытое влияние

Глухой рёв двигателей транспортного вертолета заполнял кабину, пытаясь вытеснить саму возможность мыслить. Майор прикрыл веки, пытаясь заглушить этот навязчивый, монотонный гул, но его ритм был неумолим. Он отстукивал в висках одно и то же, сливаясь с бие-нием сердца: Ельчин. Пилот. Оценить. Завербовать.

Слова генерала Молотова, произнесенные накануне в строгом кабинете, тоже жгли изнутри, как раскаленная игла. «Твое представление о возможном и невозможном начнёт трещать по швам». Что он имел в виду? Новейшее оружие? Секретные разработки? Или нечто, бросающее вызов самому здравому смыслу? Комаров, человек, привыкший к четким, осязаемым параметрам противника, впервые чувствовал себя слепым, идущим на звук в абсолютной темноте. И эта слепота злила его куда сильнее, чем открытая угроза.

Он глянул в иллюминатор. Внизу, под свинцово-серой пеленой облаков, медленно проплывало бескрайнее поле Финского залива. Вода казалась неподвижной и тяжелой, словно расплавленный свинец. Где-то там, в этой холодной пустоте, дрейфовал его пункт назначения.

«Адмирал Нахимов» возник из-за линии горизонта внезапно, как стальной мираж, рожденный туманом и морской дымкой. Сначала это была просто серая громада, но с каждым мгновением она обрастала деталями: угловатыми контурами надстроек, крошечными точками самолетов на палубе, которая с этой высоты казалась спичечным коробком. Величественный и пугающий в своем молчаливом дрейфе, авианосец был окружен роем эсминцев, которые на его фоне казались игрушечными. Вертолет затанцевал на порывах ветра и пошел на снижение. Через несколько минут Комаров, оглушенный сменой давления и пронзительным воем сирен, уже стоял на раскаленной от работы двигателей полетной палубе. Ветер гулял по ней, принося соленый, острый запах моря и раскаленного металла.

– Майор Комаров? лейтенант Спицын. Капитан уже ждет вас.

Молодой офицер отдал честь с той вышколенной, до автоматизма, точностью, что сразу выдавала службу на флоте. Комаров молча кивнул и, не говоря ни слова, последовал за ним. Его взгляд, привыкший сканировать местность, скользнул по слаженной, кипучей суеде палубы: матросы в разноцветных куртках, снующие как муравьи, техники, облепившие стальные птицы, пилоты в ярких жилетах – весь этот сложный, отлаженный механизм работал без единого сбоя. Здесь царил понятный ему порядок. Порядок, который, он чувствовал костями, вот-вот будет взорван.

Капитанский мостик встретил его прохладой кондиционированного воздуха и приглушенным, деловым гулом многочисленных приборов. Капитан, мужчина лет пятидесяти с лицом, прожженным морскими ветрами и непогодой, словно старый дуб, стоял спиной, изучая радарные карты на главном экране. Он обернулся на шаги. Его глаза, узкие и пронзительные, цвета морской волны, мгновенно, с профессиональной точностью, оценили Комарова, с головы до ног.

– Капитан первого ранга Топасев. Добро пожаловать на борт, майор. – Его рукопожатие было твердым, как баранка штурвала. – Рад видеть представителя... высшего командования. Хотя повод, полагаю, не из приятных.

– Благодарю за прием, капитан. Мой визит касается лейтенанта Павла Ельчина. Срочный перевод.

– Понимаю. – Топасев жестом пригласил к картам. – Распоряжение я получил. Оказывать полное содействие. Ельчин сейчас готовится к боевому дежурству. Парень талантливый, один из лучших. – Капитан бросил на Комарова тяжелый, изучающий взгляд.

– Когда звонят с такого уровня... это о многом говорит. Надеюсь, он справится с задачами, которые у вас там, в «КРИЗИСе». – Он произнес название с легкой осторожностью, давая понять, что знает его лишь, по слухам.

Комаров внимательно посмотрел на капитана. Тот явно пытался аккуратно «прошупать почву», перед тем как отдать ему своего человека. Можно понять.

– Я не уполномочен обсуждать специфику заданий, товарищ капитан. Мне нужен лейтенант. Сейчас.

– Как скажете, майор. Смирнов, пригласи сюда...

Внезапно по мостику прокатилась резкая, режущая уши сирена. Багровый свет аварийных ламп залил помещение, окрасив лица офицеров в злое, inferнальные тона. Спокойствие сменилось мгновенной, отточенной мобилизацией.

– Доклад! – бросил Топасев, его поза стала жесткой, как натянутая тетива.

– Две воздушные цели! Рапторы, шведские! Приближаются к нашим водам! Пересекут границу через восемнадцать минут!

– Боевая готовность номер один! «Коготь», «Клык» – на взлет! – скомандовал капитан, и мостик взорвался голосами, отдающими приказы.

Топасев повернулся к Комарову. В его глазах читалось не раздражение, а тяжелая уверенность.

– Кажется, майор, вам представится шанс лично оценить нашего орла в его естественной стихии.

Павел стоял на краю палубы, ощущая под ногами лёгкую вибрацию стальной громады в десятки тысяч тонн. Закат пылал на западе, окрашивая небо в пронзительные, багровые и золотые тона, отражаясь в миллионах бликов на беспокойной воде. Он всегда любил эти минуты перед дежурством – последние мгновения тишины перед возможным хаосом, когда можно было почувствовать себя не просто винтиком, а частью чего-то большого.

Его мысли были далеко. Он вспоминал свой долгий, тернистый путь сюда, в элиту морской авиации. Вспоминал скептические, колючие взгляды сокурсников, за спиной шептавшихся о том, что его успехи – лишь заслуга влиятельного отца. Эта мысль по-прежнему была занозой в сердце. Он рвался в небо не для галочки в личном деле, а, чтобы доказать – его место здесь заслужено потом, кровью и бессонными ночами, проведенными у тренажеров, пока другие отдыхали.

Но сейчас, глядя на бескрайний океан, им овладевала новая, космическая тоска. Звезды, одна за другой проступающие в темнеющей, бархатной вышине, были для него не просто холодными огоньками, а точками на карте будущего маршрута. Он мечтал о космосе с той же страстью с какой когда-то рвался на палубу авианосца. И теперь, когда весь мир говорил о «Героне», эта мечта обрела новую, жгучую актуальность.

Сигнал тревоги вырвал его из грёз словно удар током. Резкий, пронзительный вой сирены разрезал вечерний покой. Сердце забило чаще, не от страха, а от знакомого, мощного выброса адреналина – чистого, как горный воздух.

– «Коготь», «Клык», на взлет! Немедленная готовность!

– «Коготь» понял! – Ельчин рванулся к своему Су-87, его тело, опережая сознание, уже жило в ритме боя, каждая мышца была напряжена и готова к действию.

Рядом бежал его ведомый, Иван Торбеев. Они обменялись короткими, почти незаметными кивками – слова были лишними. Их слаженность была отточена в десятках учебных боев до состояния почти телепатии. Через минуту Ельчин уже втискивался в тесный кокпит, его пальцы привычно скользили по тумблерам и кнопкам, запуская сложный, отлаженный танец предпусковых проверок. Гул запускаемого двигателя стал биением второго сердца, мощным и уверенным.

Взлет был стремительным и яростным. Оглушительная мощь двигателя вдавила его в кресло, а через секунду палуба авианосца осталась далеко внизу, сменившись бескрайним куполом неба, окрашенного в цвета заката. Радиоэфир заполнился сухими, лаконичными докладами.

– «Коготь», на двенадцати часах, высота восемь тысяч. Два Раптора. Идут плотным строем.

– Вижу, – спокойно, почти лениво ответил Ельчин. – «Клык», ты справа. Работаем на выдавливание. Покажем гостям, где проходит красная линия.

Истребители сошлись в небесном балете, где хореографом была смерть, а музыкой – рев турбин. Вражеские машины, заметив перехват, попытались рассредоточиться, как стая хищных птиц. Но Ельчин и Торбеев действовали как единый организм. Павел видел поле боя на несколько ходов вперед, предвосхищая каждый маневр противника с пугающей точностью. Он чисто, технично зашел одному из «Рапторов» в хвост, не открывая огня – правила эскалации не позволяли стрелять первыми. Но можно было давить психологически, как опытный фехтовальщик, тычась клинком в маску противника.

– Слишком близко подобрался, дружок, – проворчал Ельчин, заставляя вражеского пилота резко, почти панически уйти вниз, теряя высоту.

Второй «Раптор», пытаясь прийти на помощь напарнику, подставил бок «Клыку». Иван мгновенно занял идеальную позицию, прижавшись к нему как тень. Следящая метка прицела легла на врага, ожидая лишь одной команды. Казалось, инцидент исчерпан. Но тут первый пилот, видимо, осознав унижение, совершил резкий, почти самоубийственный разворот в попытке зайти Ельчину в лоб. Глупая, отчаянная затея.

Именно в этот момент Павел, движимый внезапным озарением, почти с игровым азартом, совершил нечто, не прописанное ни в одном уставе. Он резко сбросил газ и выпустил струю авиационного топлива прямо перед кабиной наступающего «Раптора». Истребитель противника исчез позади в облаке керосинового тумана.

– Как тебе золотой дождь, приятель?! – захохотал Ельчин, видя, как «Раптор» позорно выходит из боя.

Вторая машина, оставшись одна, последовала за ним. Воздушное пространство было очищено без единого выстрела.

Возвращение на авианосец было триумфальным. Техники и матросы хлопали пилотов по плечам, слышались одобрительные возгласы. Но когда Ельчин, снимая шлем, увидел на палубе капитана и незнакомого майора с пронзительным, стальным взглядом, его восторг сменился леденящей настороженностью. Капитан был мрачен.

– Лейтенант Ельчин. Прошу ко мне. Немедленно. С вами хотят поговорить.

Капитанская каюта была уютным островком в стальном море корабля, пахла старым деревом, кожей и кофе. Топасев молча указал на стулья. Его лицо было серьезным и не предвещавшим ничего хорошего.

– Лейтенант, ваши действия были сумасбродны, – начал капитан, отчеканивая каждое слово. – Да, противник отступил. Но вы нарушили три статьи устава, создали угрозу столкновения и применили нештатные средства. Вы понимаете тяжесть проступка?

– Так точно, товарищ капитан, – Ельчин вытянулся по струнке, глядя в стену перед собой.

– Ваше счастье, что товарищ майор заступился за Вас.

– Майор Комаров, – представился незнакомец.

Его серые глаза, холодные и бездонные, изучали Павла с такой интенсивностью, что тому стало не по себе.

– Ваш маневр был рискованным. Безрассудным. И... гениальным в своей наглости. Вы мыслите не по шаблону. В обычных условиях это привело бы к неприятным для вас последствиям, но теперь... это то что нужно.

Ельчин промолчал, чувствуя, что разговор заходит не туда, куда он ожидал.

– Капитан, разрешите пообщаться с лейтенантом наедине? – попросил Комаров.

Тот кивнул и, бросив на Павла последний тяжелый взгляд, вышел, оставив их вдвоем в гулкой тишине каюты. Комаров откинулся на спинку стула, сложив руки на груди.

– Расслабьтесь, лейтенант. Официальная часть окончена. Мне нужен пилот. Не просто виртуоз, способный повторить фигуры высшего пилотажа. Мне нужен человек, который не сломается, когда мир перевернется с ног на голову.

– Я не понимаю, товарищ майор, – честно сказал Павел.

– «Герон». Вы слышали, конечно. Все слышали.

Павел кивнул. Весь мир только и говорил, что о пришельце на окраине системы.

– Через два года к нему отправится корабль. Миссия «КРИЗИС». Капитаном будет полковник Лиу Минг. Я – его старший помощник. Мне нужен тот, кто доставит нас к этому объекту за полтора года полета. Генерал Молотов лично утвердил вашу кандидатуру.

У Павла перехватило дыхание. Мечта, о которой он боялся даже думать вслух, внезапно только что обрела плоть и кровь. Космос. «Герон». Это было настолько невероятно, что мозг отказывался верить.

– Почему... почему я? – сумел выдохнуть он.

– Потому что ваше досье пестрит случаями, где вы принимали неочевидные, порой шокирующие решения в условиях цейтнота. Потому что капитан Топасев, несмотря на свой гнев, дал вам самую лестную характеристику. И потому что, – Комаров наклонился вперед, и его голос стал тише, но тверже, – я сегодня увидел это сам. Вы готовы играть с огнем. Наша миссия – это и есть игра с огнем, только с тем, о котором мы пока ничего не знаем. Что скажете?

Вопрос повис в воздухе, тяжелый, как гиря. Но об отказе и речи быть не могло. Это значило предать свою мечту, свой азарт, самого себя. И плевать, что согласие вело в абсолютную неизвестность.

– Я согласен, товарищ майор.

– Хорошо. Завтра в восемь утра мы вылетаем в Мирный. На МиГ-61. Вы за штурвалом.

– В Мирный? – растерянно протянул Павел.

– Да, там вас ждет кое-что. Считайте это своим первым испытанием на пути к «Герону».

Когда Ельчин вышел из каюты, его мир изменился окончательно и бесповоротно. Обычная служба на флоте, со своими тревогами и рутинной, осталась в прошлом. Впереди была бездна. И он, затаив дыхание, сделал шаг навстречу ей.

Утренний вылет был стремительным и легким. Двухместный МиГ-61, будто почувствовав руку мастера, легко оторвался от палубы и ушел в низкую облачность, оставив «Адмирал Нахимов» одинокой точкой в бескрайнем океане. Ельчин, чувствуя себя на своем месте, вел машину уверенно и плавно. Комаров молчал, погруженный в свои мысли, лишь изредка бросая взгляд на проплывающие внизу клочья облаков.

– Товарищ майор, с вашего разрешения... – вдруг сказал Павел, и в его голосе прозвучал тот самый озорной, испытывающий вызов, который Комаров уже слышал вчера в докладе о бое.

– Постарайтесь, чтобы меня не размазало по стеклу, – сухо парировал Комаров, но в углу его рта дрогнула почти незаметная улыбка.

– Обещаю постараться.

И тогда Ельчин показал все, на что был способен. Он не просто летел, он танцевал в небе, заставляя многотонную машину петить и парить. «Бочка», резкая, как удар хлыста, «кобра», когда нос самолета задирался почти вертикально, «иммельман» – сложнейшая фигура, после

которой они оказывались на новой высоте. Машина послушно выполняла самые сложные пилотажные группы, становясь продолжением его воли. Перегрузки вдавливали в кресла, выжимая воздух из легких, но Комаров, к удивлению Павла, переносил их стоически, лишь сильнее сжимая пальцы на поручнях, и его дыхание оставалось ровным.

– Вы держитесь молодцом, товарищ майор. Не каждый штабник выдержал бы такое, – честно признался Павел, возвращая самолет в горизонтальный полет над уже показавшейся землей.

– Я не «штабник», лейтенант. Я солдат.

Комаров на секунду замолк, его взгляд ушел вдаль, где солнце разливалось золотом по кромке облаков.

– Просто моя война редко выглядит так... красиво. – В его голосе впервые прозвучала некая усталая теплота.

Этот короткий диалог установил между ними незримую связь. Уважение, рожденное не в кабинетах, а в совместно перенесенном переживании.

Приземлившись в аэропорту под Мирным, их встретил воздух, резко отличавшийся от морского – пахший хвоей, влажной землей и далекой дымкой угля. Двое мужчин в штатском, чьи короткие стрижки и прямые спины кричали о военной принадлежности громче любой униформы, молча проводили их к темному внедорожнику.

Машина плавно и почти бесшумно двигалась по ухабистой дороге, уводящей вглубь тайги. Бескрайние леса, темные и молчаливые, подступали к самой обочине, словно стена из вековых елей и сосен. Их мшистые лапы, тяжелые от недавнего дождя, порой скребли по крыше, будто пытаясь заглянуть внутрь. Комаров смотрел в окно, и ему чудилось, что эти леса не просто хранят тишину, а внимательно следят за непрошеными гостями.

Вскоре за поворотом показали футуристические силуэты модернизированного Плесецкого космодрома – устремленные в небо белые иглы стартовых комплексов, символ гордого покорения космоса.

Но их величие быстро осталось позади. Внедорожник резко свернул на едва заметную грунтовку, которая виляла между холмами, поросшими карликовыми березами, и через несколько минут уперлась в склон, поросший мхом. Почти незаметная бетонная стена с массивными воротами, искусно прикрытая камуфляжной сетью, была единственным признаком человеческого присутствия. Ворота бесшумно разъехались, поглотив машину во влажную, прохладную темноту тоннеля.

Подземная база «Заря» оказалась не просто бункером, а целым многоуровневым городом, вырубленным в толще гранита. Коридоры, освещенные холодным сиянием люминесцентных ламп, были безлики и пустынно. Воздух отдавал стерильной чистотой, а низкий, нервующий гул вентиляции и генераторов создавал ощущение, что база – это живой организм, спящий гигант, в чреве которого им предстоит провести неизвестное время.

Когда их привели в просторный кабинет, больше похожий на конференц-зал, их встретил мужчина с седыми, слегка всклокоченными волосами и острым, пронзительным взглядом. Его движения были резкими, порывистыми, а рукопожатие – сухим и холодным.

– Лейтенант Ельчин. Майор Комаров. Доктор Воробьев. – Время – наш главный и безжалостный враг. Поэтому без лишних церемоний. Лейтенант, вы здесь, чтобы принять участие в научном эксперименте. Ваша задача – пилотирование экспериментального летательного аппарата Су-94. Майор, согласно распоряжению, вы будете наблюдать за ходом испытаний из контрольного центра.

– Я не слышал о такой модели, – осторожно заметил Павел.

– Их всего три. Вы везучий. – Воробьев подвел его к схеме. – Аппарат способен на кратковременный разгон до тринадцати махов. На этой скорости вам предстоит активировать устройство, установленное на борту.

– Что это за устройство? – поинтересовался майор.

Доктор отвел взгляд.

– Увидите. Пока знайте лишь, что по мимо всего прочего оно фиксирует определенные... флуктуации. Аномалии. Задача пилота – достичь скорости, активировать систему, сохранять контроль и наблюдать. Все данные запишутся автоматически.

Комаров поморщился, мероприятие казалось ему крайне сомнительным.

– А что я должен увидеть? – с опаской, спросил Павел.

– Возможно, ничего. Возможно, искажения пространства. Световые эффекты. – Воробьев посмотрел на Павла прямо. – Автопилот нам не подходит. Нужны субъективные показания. Что бы вы ни ощутили, главное – не поддаваться панике. Понятно?

Павел кивнул, чувствуя, как ледяной червь страха пробегает по его спине.

Следующие два дня пролетели в напряженной подготовке, похожей на странный, растянутый ритуал. Многочасовые медосмотры, где врачи изучали каждую клетку Павла, бесконечные часы на тренажере, где он до автоматизма оттачивал движения, и подписание бесчисленных документов с грифом «Совершенно секретно» – все это создавало гнетущую атмосферу неотвратимости.

И вот, он стоит перед Су-94 в подземном ангаре. Самолет был непохож ни на что, что Павел видел раньше. Его формы были плавными, обтекаемыми, лишенными острых углов, а фюзеляж переливался тусклым металлическим блеском в свете прожекторов. Это была не машина, а скорее произведение искусства, воплощение неведомой технологии. И только кабина, уютная и привычная, как вторая кожа, выдавала в нём дальнего, но узнаваемого потомка Су-87. Втиснувшись в кресло пилота, Павел ощутил странный симбиоз – будто самолет был живым, мыслящим существом, готовым повиноваться его воле.

В контрольном центре, куда проводили Комарова, царил напряженная тишина, нарушаемая лишь монотонным писком приборов. Комната была погружена в полумрак, освещаясь только холодным свечением множества мониторов. Комаров занял место рядом с Воробьевым, чувствуя, как тяжелый, насыщенный техногенным гулом воздух давит на барабанные перепонки.

– Скорость – тринадцать махов. Не меньше. Активация – в строго заданной точке, – голос Воробьева, прозвучавший в наушниках Павла, был хриплым и напряженным. – Удачи, лейтенант. И... держитесь.

Разбег по скрытой среди леса полосе, отрыв – и вот он снова в небе, но на этот раз в машине, которая ощущалась как продолжение его собственной нервной системы. Набор высоты, разгон. Стрелка указателя скорости ползла вправо с пугающей, невиданной скоростью. Воздух за бортом превращался в раскаленную плазму, окутывая самолет светящимся ореолом. Перегрузка стала невыносимой, вдавливая в кресло, выжимая воздух из легких, заливая глаза потом. Сознание сужалось до туннеля, в конце которого мерцала заветная цифра. Тринадцать махов.

Он с трудом, почти вслепую, нашел красный тумблер. Рука дрожала от напряжения. «Активировать только по команде». Команды не было. Было только задание. Словно отдаваясь течению могучей реки, он с силой щелкнул крышку и нажал кнопку.

И мир взорвался.

Это была не вспышка света. Это был разлом в самой ткани реальности. Кабина, приборы, его собственное тело – все поплыло, исказилось, распалось на миллионы вибрирующих, разноцветных пикселей. Его слух заполнил оглушительный, вселенский гул, в котором сплелись голоса, крики, музыка, шум океана и плач ребенка – чудовищная какофония всего сущего. Перед глазами проносились бешеные, сменяющие друг друга образы: лица незнакомых людей

в странных одеждах, руины городов, звездные системы, рождающиеся и умирающие в мгновение ока. Его сознание, его «я» разрывалось на части, растворяясь в этом хаосе.

А потом... наступила тишина. Давящая, абсолютная, звонкая. Такая, какой не бывает в мире людей.

Его самолет летел теперь над другим миром. Сначала он подумал, что это галлюцинация от перегрузок. Но нет – приборы показывали стабильный полет. Он снизил скорость до крейсерской и огляделся по сторонам.

Первое, что смутило его, – небо. Оно было не голубым, а бледным, молочно-белесым, и простиралось невероятно высоко. Солнце висело в этой белизне ослепительным, но каким-то безжизненным шаром, его свет был ярким, но плоским.

Внизу, под крылом, клубился океан зелени. Неподвижные, исполинские папоротники и хвощи образовывали непроходимые чащи не просто изумрудного, а какого-то ядовито-яркого, неземного цвета. Вдали, теряясь в дымке, стояли леса из гигантских деревьев, очертаниями напоминавших знакомые хвойные, но до неестественных, пугающих размеров.

Воздух за стеклом был настолько густым, что казалось, будто самолет плывет не в небе, а в толще гигантского аквариума. И хотя Павел был отделен от этого мира стеклом кабины и маской, у него возникло стойкое, почти синестетическое ощущение, что этот пейзаж должен пахнуть сыростью, гниющими исполинскими растениями и чем-то острым, неизвестным.

Это была Земля, но преобразенная до неузнаваемости. Сердце Павла сжалось от восторга и ужаса.

И тогда он его увидел. Слева, на одной высоте, плавно, словно плывя в воздухе, двигался другой аппарат. Не самолет. Нечто вытянутое и идеально обтекаемое, словно фюзеляж без крыльев. Его корпус был абсолютно гладким, матово-белым, лишенным каких-либо швов или стыков – чистая, минималистичная форма, нарушающая привычные представления о летательных аппаратах.

В его прозрачной кабине сидел пилот. Существо было высоким и худощавым, с удлинёнными, грациозными пропорциями. Его лицо было скрыто шлемом, но Павел сразу понял – его здесь ждали. Во взгляде существа, который он скорее ощутил, чем увидел, не было ни капли удивления – лишь лихорадочная, отчаянная надежда, похожая на луч света в абсолютной тьме. Эта надежда была настолько сильной, что была почти физически ощутима.

Пилот поднял руку в тонкой белой перчатке и сделал несколько резких, настойчивых знаков. Это не был язык жестов. Это было нечто более фундаментальное, увещевающее, требовательное. Павел ничего не понял, но в его сознании, помимо его воли, всплыло одно четкое, неоспоримое понятие: «Следуй. Быстро».

Он почувствовал не непреодолимое желание, а глубинное, необъяснимое понимание, что это – единственный шанс. Его Су-94, словно повинувшись чужой воле, плавно развернулся и последовал за белым кораблем.

Они летели над бескрайним лесом, и Павел, присмотревшись, увидел не просто чащу. Среди крон тысячелетних деревьев под их мощными ветвями покоились нежные, светящиеся изнутри купола. Целые террасы из белого материала оплетали стволы, вплетаясь в самую структуру жизни, не нарушая её, а дополняя. Это был город-сад, город-лес, идеальный симбиоз разума и первозданной силы.

Но в центре этой гармоничной паутины царил Храм. Он вздымался ввысь, подобно кристаллическому цветку или застывшему музыкальному аккорду. Его стены, сотканые из того же белого, матового вещества, что и скромные постройки у корней деревьев, были испещрены витиеватыми, словно живые, узорами. Лучи закатного солнца, пробиваясь сквозь листву, заставляли его слабо мерцать, как жемчужину в зелёной оправе.

И от этой красоты веяло ледяным покоем. Ни единого силуэта в ажурных галереях, ни проблеска движения на пологих пандусах, опоясывавших Храм. Ни шума, кроме шелеста

листьев на ветру. Великолепный, совершенный город был нем. Каждая постройка, даже дворец-святилище в его сердце, стояла пустой, будто жизнь здесь замерла по щелчку невидимого пальца, оставив после себя лишь безупречную, бездыханную оболочку.

В этот момент провожающий его пилот стал набирать скорость, такую, что Павел едва стал попевать за ним. Поверхность внизу смазалась.

Через несколько томительных минут сопровождающий замедлился и на краю огромного плато, на фоне белесого неба, Павел увидел его. Здание, саркофаг, монолит. Черный, идеально гладкий, отполированный до зеркального блеска... Казалось, что это не объект, а сама пустота прямоугольной формы, вырезанная в ткани мира. Солнце не давало на нем бликов – оно лишь тонуло в этой абсолютной черноте.

Монолит не просто стоял там; он словно притягивал к себе взгляд, звал к себе безмолвным, мощным зовом, который Павел ощущал почти физически, как магнитное поле.

Пилот резко, почти отчаянно ткнул пальцем в его сторону, затем приложил руку к своей груди, к голове, и снова указал на монолит. Жест повторялся снова и снова, как заевшая пластинка, полная невыносимого напряжения: «Смотри! Помни! Это – главное!».

А затем он вдруг прекратил.

Тени исчезли в один миг. Резкие черные контуры под крылом растворились, словно их стерли. Свет стал плоским, ярким и безжалостным, будто его источником была не точка на небе, а вся атмосфера сразу. Павел инстинктивно взглянул на термодатчики внешней обшивки. Столбики поползли вверх с пугающей скоростью.

– Что за черт? – пробормотал он.

Через тридцать секунд стрелки пересекли красную зону, обозначающую температуру плавления обычного алюминия. Через минуту – температуру поверхности ракет при входе в атмосферу. Но корпус его самолета пока держался. Сквозь бронированный иллюминатор Павел видел, как мир внизу сходит с ума. Тайга не горела в привычном смысле. Она испарялась. Хвоя на соснах мгновенно обугливалась и осыпалась черным дождем. Стволы трескались с громким хлопками, извергая смолу, которая тут же вспыхивала. Озера и реки закипали, покрываясь плотным одеялом пара. Это был не пожар. Это был тепловой удар такой мощи, что вода закипала бы даже в ведре, стоящем в тени. Павел чувствовал жар через стены, как будто он сидел в духовке, включенной на полную мощность.

И вот тогда он заметил ударную волну, несущуюся к нему на невероятной скорости, сносящую все вокруг. Ее мощь была непостижимой. Павел направил самолет в противоположную сторону вновь набирая максимальную скорость, пытаясь убежать от нее. Но волна шла не с какой-то одной стороны – она сжимала все вокруг. Иллюминаторы, рассчитанные на невероятные нагрузки, покрылись паутиной трещин. Павел понял, что это конец. Он смотрел, как под ним бурлит море огня и пара, а над ним висит раскаленное докрасна небо.

И все исчезло.

Вихрь, свет, свист, разрывающий барабанные перепонки – и он снова был в привычном, холодном небе. Приборы бешено мигали, сигнализируя о перегрузках, в наушниках трещал искаженный, панический голос:

«...Ельчин! Лейтенант, ответьте! Что произошло? Вы пропали с радаров! Мы думали, что потеряли вас! Что... Что вы делаете в Якутии, лейтенант?!»

Павел попытался ответить, но из горла вырвался лишь хрип. Он еле успел снять маску как его вывало прямо на летный комбинезон. Павла трясло мелкой, неконтролируемой дрожью, зубы выбивали дробь. Он с трудом, почти инстинктивно, дрожащими руками выровнял машину и включил автопилот. Перед глазами, выжженные на сетчатке, стояли кошмарные образы: пустой город, черный монолит и... апокалипсис.

Пару часов спустя, стоя перед бледным, как полотно, доктором Воробьевым в стерильной лаборатории, Павел мог произнести только одно. Его голос был пустым, лишенным всяких эмоций, словно принадлежал другому человеку.

– Я видел... кажется я видел будущее. Конец... Их город... и планета вскипела... Боже... Воробьев, не встречаясь с ним взглядом, кивнул дежурившим медикам.

– Лейтенант, вам нужен покой и осмотр. Вы в шоке. Вам только чудом удалось вернуться и посадить самолет.

Когда Павла, почти безвольного, увели, Воробьев тяжело опустился на стул, его руки заметно дрожали.

Комаров, с трудом сохраняя молчание, наблюдая за всей сценой, резко шагнул к нему. Сейчас его собственное спокойствие было на грани.

– Что вы с ним сделали, профессор? Я только что видел, как взрослый, тренированный мужчина чуть не сошел с ума! Что за «будущее»? О чем он говорит?

Воробьев снял очки и с отчаянием провел рукой по лицу. Когда он поднял на Комарова взгляд, в его глазах был не триумф, а животный страх совершенного открытия.

– Будущее? – он горько усмехнулся. – Нет, майор. Согласно темпоральным координатам... скачок произошел в интервале, соответствующем концу мелового периода. Тому самому катаклизму, что стер с лица Земли динозавров.

Комаров замер, медленно, с трудом осознавая чудовищность сказанного.

– То есть... прошлое?

– Именно, шестьдесят шесть миллионов лет назад, – голос Воробьева сорвался на шепот.

Комарову потребовалось несколько секунд, чтобы заставить свой разум, привыкший к координатам и тактическим картам, принять эту цифру.

– Мне нужны ответы. Сейчас, – его голос прозвучал твердо, в нем зазвенела сталь.

Профессор выдохнул.

– Хорошо... Понимаете, Павел, должен был наблюдать лишь видение, иллюзию, мираж... Но они были там! Они ждали нас! Они не просто показали ему послание. Они вмешались в эксперимент и выдернули его самолет в прошлое на физическом уровне! Они знали, что мы будем смотреть! – Он схватился за край стола, чтобы скрыть дрожь в пальцах. – Теперь вы понимаете? Они хотели что-то нам сказать! Что-то важное перед гибелью!

– Да кто «они»?! О ком вы?!

– А вы еще не поняли? – спросил профессор, и в его усталом, испуганном взгляде Комаров прочел то, перед чем бледнели любые слова. Древняя раса, обитавшая на Земле миллионы лет назад.

– Бред, – попытался выдохнуть Комаров, но слово повисло в воздухе мёртвым грузом, не найдя опоры в внезапно поплывшей реальности.

Воробьев, не слушая, уже лихорадочно изучал данные, с головой уходя в единственное, что оставалось – записи и цифры.

Комаров остался один на один с тишиной. Он подошел к главному экрану, к застывшему на снимке пилоту – тому самому, что сопровождал Павла. Существо в белом корабле замерло в отчаянном жесте, указывающем на черный монолит. Пальцы майора сжались в кулаки так, что ногти впились в ладони, но этой боли было недостаточно, чтобы вернуть ощущение твердой почвы. Он чувствовал, как старый мир, с его войнами, разведками и докладами, начал беспомощно рассыпаться, обнажая новую, чудовищную ось, вокруг которой отныне должна была вращаться вся его жизнь.

Глава 3. Грани отражений

Холодный ветер космодрома, уже сменивший летнюю мягкость на осеннюю хватку, заставлял короткие светлые волосы капитана Филатова отсвечивать блёклым металлом в косом свете заката. Капитан шагал по бетонной дорожке, усыпанной первыми жёлтыми листьями, с размашистой, почти хищной уверенностью человека, который чувствует себя в подобной обстановке как дома. Его фигура, отточенная годами тренировок и боевых операций, была зримым воплощением опоры и надёжности в холодном свете клонящегося к вечеру сентябрьского солнца. Он не просто шел – он излучал некую неумную внутреннюю энергию, способную, казалось, прогнать пронизывающую сырость. И в его голубых глазах, вопреки бессонной ночи, горел не просто азарт, а холодный, отточенный до бритвенной остроты огонь человека, который не просто знает цену риску, но и нашел в нем свой единственный истинный наркотик.

Гулкий грохот ночного клуба, мимолетная улыбчивая незнакомка, тепло земной постели – все это осталось в другом, уходящем мире, в гуле суетливой цивилизации. Впереди, освещенная косыми медными лучами заходящего солнца, маячила единственная реальность – серебристый, отполированный до зеркального блеска силуэт служебного челнока, готовый расцечь бархатную черноту космоса.

Переступив через шлюз, он оказался в царстве стерильной тишины, нарушаемой лишь ровным, убаюкивающим гудением систем жизнеобеспечения и шипением циркулирующего по трубам воздуха. Тяжёлый гермолюк с глухим стуком закрылся за его спиной, отсекая остатки ветра и запах мокрой земли и хвои.

– Ух, ну и ветер сегодня, – громко и с наслаждением выдохнул Филатов, снимая прохладную от сырости куртку. – А зима-то близко, товарищи!

Его голос, грубоватый и звучный, легко заполнил пространство отсека, бросая незримый вызов давящей тишине. И только произнеся это, он позволил себе окинуть взглядом обстановку. В этот раз, обычно битком набитый челнок, был подозрительно полупустым.

Первым, кого встретил его оценивающий взгляд, стало живое олицетворение самой тишины. Майор в черной, нарочито лишенной каких-либо опознавательных знаков форме, если не считать погон, стоял поодаль, неподвижный, как древнее изваяние. Его идеальная, выправленная до автоматизма осанка, сосредоточенный, взгляд, прикованный к планшету – все кричало о безупречной выучке и железной дисциплине.

«Тихий, – мгновенно оценил Филатов. – Из “тихий”. И опасный». Мысль пронеслась быстро, как вспышка, и по спине пробежал холодок. «Хищник, научившийся не рычать. Интересно, скольких таких, как я, он “уладил” за свою карьеру?»

Он приблизился, его шаги гулко отдавались по рифленому металлическому полу, нарушая затянувшуюся, давящую паузу.

– Товарищ майор! Капитан Филатов, командир специальной группы «Рысь», – его голос прозвучал громко и четко.

Майор поднял голову без малейшей торопливости. Его взгляд – быстрый, сканирующий, лишенный всякой эмоциональной окраски – скользнул по Филатову с ног до головы, будто считывая тактико-технические параметры новой единицы вооружения. «Крепкий. Избыточно уверенный в себе. Потенциально проблемный» – можно было прочитать в этом мгновенном, все фиксирующем взгляде.

– Майор Комаров, – ответил он кратко, и его голос был ровным, металлическим, как будто лишенным тембра. – Слышал о ваших... операциях, капитан. Складывается впечатление, что скучать на ваших заданиях не приходится.

Фраза прозвучала как тихий щелчок взведенного курка. «Откуда?» – молнией пронеслось в голове Филатова. Но лицо его сохранило то же легкое, нахальное выражение.

– Стараюсь соответствовать высокой оценке, товарищ майор, – он позволил себе улыбнуться, демонстрируя идеальные белые зубы, но взгляд его стал собранным, как перед прыжком. Он сделал паузу, будто раздумывая, стоит ли говорить дальше. – А вы, если не секрет, какими судьбами к нашей лунной прогулке присоединились?

– Служебная необходимость, капитан, – парировал Комаров, его металлический голос не дрогнул ни на полтона. – Мои задачи редко совпадают с туристическими маршрутами. Рекомендую сосредоточиться на своих.

«Закрытая тема. Все ясно, копать не стоит», – мысленно констатировал Филатов. Он отдал честь с легкой, почти неуловимой иронией. – Вас понял. Тогда, с вашего разрешения, пойду представлюсь остальным пассажирам нашего веселого рейса.

Его зоркий взгляд уже выхватил другую, гораздо более интересную точку в отсеке – молодую женщину с мальчиком у широкого иллюминатора. Разведка боем и установление контакта – его конек. Он легко сменил дислокацию, подойдя к ним с той же небрежной, обезоруживающей уверенностью.

– Простите за беспокойство, коллеги, а вы, часом, не на Луну этим рейсом? А то я с утра как шальной, кажется, сел не в тот шаттл, – его голос звучал тепло, непринужденно, но пристальный взгляд на полсекунды все же стрельнул в майора. – Меня, кстати, Глеб зовут.

Женщина оторвалась от планшета. Ее улыбка была искренней, лучистой, способной растопить даже космический лед.

– Нет, капитан, не ошиблись. Позвольте представиться, я Анастасия, а это мой подопечный, Илья. Летим в рамках благотворительной программы «Юный астронавт».

Мальчик лет девяти, бледный, с гладкой, лишенной волос головой, с невозмутимой, не по годам серьезностью вертел в руках игрушечную ракету. Но его взгляд, взрослый и пронзительный, изучающе скользнул по Филатову, будто оценивая его на прочность, вычисляя скрытые слабости.

– А наш юный астронавт, смотрю, уже мыслями на орбите, – произнес Глеб, опускаясь перед мальчиком. – Готовишься покорять мир за штурвалом звездолета?

– Я пока только наблюдаю, – тихо, но удивительно четко и взвешенно ответил мальчик, и в его голосе не было ни капли детской робости или смущения.

– Наблюдатели – это мозг и нерв всей операции. Пока мы, громилы, ломаем стены, они видят то, что скрыто. Без вас, дружище, мы все – просто слепые коты в темном подвале.

В глубине глаз Ильи мелькнула быстрая искорка – не радости, а скорее живого, неподдельного интереса. Он что-то быстро, по секретному прошептал Анастасии на ухо, та одобрительно кивнула. В этот самый момент игрушечная ракета выскользнула из его пальцев. Филатов сработал на отточенных рефлексах: его рука метнулась вниз и поймала пластиковый корабль в сантиметре от пола.

– На, командир, крепче держи свое судно. Будущему адмиралу без флагамена – все равно что без рук.

Илья взял игрушку, и его тонкие, холодные пальцы на мгновение коснулись руки Глеба. Легкое, едва заметное прикосновение. И тут же – странная, плывущая волна слабости, от которой на мгновение померк свет. «Черт... Недосып все же дает о себе знать...» – мельком подумал он, делая вид, что просто поправляет затяжку на рукаве.

В этот момент в отсек, словно ураган, ввалилась его команда – его настоящая семья, его «орлы». Усатый, похожий на добродушного, но могучего медведя старшина Михаил Сидоров; угрюмый, с вечно нахмуренным, недовольным лбом сержант Александр Тарасов; и молодая, но с уже стальным, испытующим взглядом опытного медика Алена Самойлова. Они вносили с собой столь нужный шум, кипучую жизнь, ворчание по поводу срочного вызова – все то, чего так не хватало в стерильной, давящей тишине корабля.

– Ну что, небесные волки, готовы к прыжку в никуда? – огласил отсек громовой голос Филатова.

– И волчицы тоже, товарищ капитан, не забывайте, – парировала Самойлова, ловко пробираясь к своему креслу между спинами товарищей.

– Настроение, командир, ниже плинтуса, – пробурчал Тарасов, с силой швыряя свой вещмешок под кресло. – Меня прямиком из Ярославля выдернули, даже жену в Москве повидать не дали. Какого черта приспичило-то в отпуск?

– Луна, Сань, наша Луна, – Филатов театрально вздохнул, разводя руками. – Вызвали, значит, по нашему с вами уникальному профилю. Пешерку одну нужно проверить. Кому еще доверят то, что обычным громилам не по зубам? Вот и попали под раздачу первыми. Зато, – он снова оскалился в своей фирменной ухмылке, – на ваших личных счетах уже приземлилась сумма, за которую можно простить и не такое. Так что хватит хмуриться, не на похоронах.

Пока команда устраивалась, ворча и перекидываясь шутками, Филатов вновь поймал на себе пристальный взгляд Ильи. Мальчик неотрывно смотрел на него из-за спины Анастасии, не мигая. И в глубине его слишком взрослых, слишком понимающих глаз было что-то необъяснимое... знающее.

Старт был отточенным, величественным спектаклем человеческой мощи и покорения. Оглушительный, низкочастотный рев, превращающий внутренности в трепещущую воду, чудовищная, вжимающая в кресла перегрузка, заставляющая стиснуть зубы до хруста, и наконец – наступающая тихая, величественная невесомость, приносящая облегчение и трепет. Звезды застыли в черной, бархатной бездне за иллюминаторами, такие далекие и леденяще безразличные.

Путешествие растянулось на девять долгих часов монотонного гула двигателей. В отсеке постепенно установилась расслабленная, почти сонная атмосфера. Майор Комаров, казалось, дремал, не меняя позы. Бойцы тихо переговаривались, обсуждая детали внезапно прерванных отпусков. Самойлова уткнулась в планшет, смотря какой-то старый фантастический фильм. Филатов же не мог оторвать взгляда от Анастасии, которая тихо, мелодичным голосом читала Илье сказку. Ее спокойный, ласковый тембр, мальчик, замороженно слушающий, прижавшись к ней плечом... Эта идиллическая, мирная картина острым крючком зацепила что-то глубоко спрятанное, уязвимое в его душе.

Его дочь. Маленькая Олеся. Он закрыл глаза, с силой сжав веки, пытаясь удержать в памяти рассыпчатый, звонкий звук ее смеха, тепло ее маленькой, доверчивой руки в его могучей, исцарапанной ладони. После тяжелого, болезненного развода три года назад он видел ее все реже, встречи становились короче и формальнее. Эти воспоминания были как свет далекой, угасающей звезды – когда-то яркий, но теперь холодный и бесконечно далекий. И здесь, в гробовой, давящей тишине космоса, эта боль, эта тоска жгли его изнутри с особой, пронзительной, почти физической силой. Он был солдатом, готовым к любым лишениям, но разлука с дочерью оставалась той несправедливостью, с которой он так и не смог смириться.

Катастрофа пришла с оглушительным, рвущим барабанные перепонки треском ломающегося алюминия и титана. Удар был настолько мощным и внезапным, что корабль буквально вырвало из пространства, как пушинку, и швырнуло в бешеный, хаотичный, слепой штопор. Свет погас в одно мгновение, уступив место тревожному, моргающему в такт сирене багровому сиянию резервных ламп. Филатова с нечеловеческой силой швырнуло на привязные ремни, больно вдавив в кресло, а в нос ударил едкий, запах гари и чего-то еще, незнакомого и пугающего.

Хаос длился вечность. Когда аварийные стабилизаторы с оглушительным, скрежещущим звуком наконец выровняли корабль, в отсеке воцарилась звенящая, давящая тишина, нарушае-

мая лишь шипением поврежденных трубопроводов и зловещим треском коротких замыканий, высекающих искры из панелей.

Глеб отстегнулся. Его глаза, привыкшие к темноте за долгие ночные дежурства, быстро сканировали обстановку в багровом полумраке. Выжившие. Самойлова, уже действуя на автомате, как и подобает медику, плыла к Сидорову и Тарасову, выброшенным из кресел и лежавшим в неестественных позах без движения. Анастасия прижимала к себе дрожащего, но удивительно молчаливого Илью, закрывая его собой. Майор был без сознания, его кресло пронзила насквозь сорвавшаяся металлическая балка, и из страшной, рваной раны на боку сочилась алая пена, которая налипала пузырящимся шаром на рваный металл и ткань формы.

Внутри все сжалось в ледяной комок, а потом взорвалось пронзительным холодом. Мир на секунду поплыл, вывернулся, но Филатов моргнул – один раз, медленно и тяжело, – и сознание послушно встало на рельсы. Знакомый вкус адреналина, горький и спасительный, ударил в голову, смывая остатки оглушения. Хаос вокруг был лишь декорацией.

– Самойлова! – Его голос прозвучал хрипло, но четко, разрезая шипение поврежденных систем. – Что с ребятами?

– Живы, – глубоко дыша выдохнула она.

– Анастасия, с вами все в порядке?

Та лишь коротко кивнула, ее глаза были широко раскрыты и испуганны.

Капитан огляделся, пытаясь оценить масштаб катастрофы. Он оттолкнулся к ближайшему иллюминатору. Сердце на мгновение замерло: в безвоздушной пустоте, среди роя сверкающих осколков, медленно кувырчался искореженный силуэт шаттла ТЗС. Картина сложилась в голове сама собой – столкновение.

Идиотизм. Чистейшей воды идиотизм или... диверсия, атака, взлом систем обоих челноков... Кто-то сильно захотел, чтобы этот рейс не долетел. Внутренняя ярость, холодная и острая, тут же была задавлена железной волей. Неважно. Разберемся потом. Сейчас требовалось одно: оценить ущерб, понять, сколько у них есть времени, и сделать всё для выживания экипажа.

Филатов перевел взгляд на гермодверь, ведущую в кабину пилотов. Приложив к ней ладонь, он почувствовал, как металл буквально вымораживает пальцы. За этой дверью – вакуум и смерть, экипаж – очевидно мертв.

Оттолкнувшись от стены, Глеб подплыл к Самойловой, которая нащупывала пульс у Сидорова.

– Как они? – тихо спросил он.

– Сотряс, у обоих, – так же тихо отчеканила она, не отрывая взгляда от Сидорова. – Но кости целы, живы. Скоро очнутся.

Как будто услышав её, Сидоров глухо застонал и попытался перевернуться на бок. Вслед за ним, с тихим матом, зашевелился Тарасов, судорожно хватая ртом воздух.

Алена тут же метнулась к телу майора. Глеб же навис над своими приходящими в себя бойцами. Их глаза были мутными, движения – замедленными и нескоординированными.

– Знатно трянуло, да, парни? – его твердый голос, врезался в их просыпающееся сознание. – Но валяться некогда. Слушай, Михалыч: столкновение. Корабль мертв, системы на ладан дышат. Тебе – кислород и давление. Понял? Кислород! – Он врезал взглядом в еще не сфокусированные глаза Сидорова, заставляя того понять суть. – Саня, – Филатов развернул за плечо Тарасова, – связи нет. Ищи, любыми частотами. И маяк.

Он дал им пару секунд, чтобы информация достигла цели, и лишь тогда рявкнул, вкладывая в голос всю свою волю: – Быстро, четко и без паники! Шевелитесь!

Едва бойцы, с трудом отталкиваясь от поручней, начали выполнять приказы, Филатов уже был рядом с Самойловой.

– Что с майором? – спросил он, глядя на ее сжатые в работе пальцы и пепельное лицо Комарова.

– Все плохо, – сквозь зубы бросила она. – Нужны специальные препараты, которых у меня нет, дренаж, кровь остановить... Сделаю, что смогу, но шансов...

– Шансы создадим, – жёстко оборвал он, не давая ей договорить. – Держи его сколько потребуется.

Он уже отворачивался, чтобы осмотреть экипировку, мысленно ставя спасение майора следующим пунктом после кислорода. Сдать своего – даже такого чужого и холодного – было не в его правилах.

У скафандров, он сжал челюсти: остаток кислорода в баллонах – меньше половины. К тому же из семи штук два были повреждены и непригодны.

Доклады бойцов, поступившие один за другим, лишь усугубляли и без того мрачную картину. Запасов кислорода на корабле – на считанные часы. Система терморегуляции мертва – корабль медленно, но неотвратно превращался в консервную банку на раскаленной сковороде звезды. Связи – абсолютный, гробовой ноль. Аварийный маяк, слава богу, работал, но помощь могла прийти слишком поздно, через много часов.

Напряжение в отсеке росло с каждой томительной минутой, синхронно с неумолимо ползущей вверх температурой. Дышать приходилось ртом, коротко и поверхностно.

Первым не выдержал Сидоров, с силой дернув за ворот комбинезона – ткань с трудом поддалась, обнажив покрасневшую кожу. Самойлова, сжав зубы, массировала виски, а Тарасов, бледный, с закрытыми глазами, ритмично постукивал затылком о стену, словно отбивая такт своего учащенного сердца. Каждое движение в раскаленной, тяжелой атмосфере давалось с усилием, будто сквозь плотную, горячую воду.

В какой-то момент нервы сержанта, и без того натянутые как струны, лопнули под давлением страха и безысходности.

– А вообще, командир, может, хватит уже возиться с этим майором? – его голос прозвучал неприлично громко, вызываясь, режа слух, как стекло. – Он уже практически труп. Дышит наш воздух, который нам еще дышать и дышать. Зачем он нам? Лишний рот.

Филатов медленно повернулся к нему всем корпусом. В его глазах, обычно веселых и озорных, вспыхнули опасные, холодные синие огоньки.

– Повтори-ка, Саня, я не расслышал. Похоже, у меня от давления слух в ушах пропал.

– Все ты слышал! – Тарасов выпрямился, его лицо было искажено злобой, страхом и отчаянием. – Он нам не товарищ! Он – балласт! Груз! Уберем балласт – будет больше шансов у нас, живых!

В отсеке повисла мертвая, звенящая тишина. Даже Илья оторвался от Анастасии, уставившись на сержанта широко раскрытыми глазами.

– Ты сейчас, возьмешь свои слова обратно и все мы дружно будем считать, что их не было, – голос Филатова стал тише, но в нем зазвенела обнаженная, острая сталь. – Понятно, сержант?

Тарасов, побагровев, что-то пробормотал себе под нос и отвернулся, уставившись в стену. Казалось, инцидент исчерпан, но напряжение не ушло, оно лишь сменило форму, растворившись в тяжелом, спертном воздухе. Сидоров, не отрываясь, монотонно стучал по панели управления, но по его вискам струился уже не пот, а настоящие ручьи. Самойлова, перевязывая майора, дышала ртом, коротко и хрипло, словно рыба, выброшенная на берег.

Тарасов сидел, сжавшись в комок, и трясущимися руками тер себе грудь, как будто пытаясь вдохнуть глубже. Его лицо из багрового стало серо-белым, болезненным. Капитан видел, как нарастает эта тихая паника, но любое слово сейчас могло стать искрой.

Искрой, которая и высекла хриплый, полный безысходности шепот:

– Командир... – Тарасов обернулся. Его лицо было бледным, а глаза бегали, не находя точки опоры. – Дышать нечем. Жара адская. Мы все тут сдохнем из-за этого... балласта.

– Сань, заткнись, – устало, но без злобы сказал Сидоров, пытаясь сконцентрироваться на панели. – Командир все решил.

– Ничего он не решил! – голос Тарасова снова сорвался на крик, но теперь в нем слышалась не злоба, а паническая истерика. – Он нас всех похоронил! Из-за какого-то чужого мудака!

Сержант оттолкнулся от стены, его движение было резким и неуклюжим. Он плыл прямо к креслу, его глаза были прикованы к неподвижному лицу майора.

Филатов среагировал в тот же миг.

– Просто уберём его... и всё... – шёпот Тарасова был полным безумия.

В тот момент, когда рука сержанта с обломком взметнулась вверх, Глеб врезался в него, и их тела, сцепившись в клубке, с глухим стуком ударились о противоположную стену. Капитан пытался заломить ему руку с зажатым обломком, но Тарасов вырывался, хрипя и пуская пузыри слюны. Потребовались отчаянные усилия, чтобы прижать его к стене и обездвигить, пока Самойлова с трудом удерживая его, вколола успокоительное в напряжённую шею.

Ситуация достигла своей критической точки. Сидоров, работавший у панели, начал синеть, его дыхание стало хриплым и прерывистым. Кислород был на исходе.

– В том... в том шаттле... ТЗС... должны быть аварийные баллоны, – Филатов смахнул с лица капли пота, собравшиеся в шарики возле бровей и его взгляд упал на ряд висящих скафандров. – Я полечу. Это наш единственный шанс. Алена, Миша надевайте скафандры и помогите гражданским.

– На всех не хватит, на майора вообще не надеть.

Глеб бросил взгляд на Комарова проткнутого балкой.

– Я найду, принесу еще. Тарасов потерпит, одевайтесь.

Едва переводя дух в спертой жаре, Глеб облачался в скафандр. Он механически, почти на автопилоте, нащупал в кармане истертую флешку и воткнул ее в слот. До боли знакомые аккорды заглушили шипение поврежденных систем и его собственное тяжелое дыхание.

«Земля в иллюминаторе,

Земля в иллюминаторе,

Земля в иллюминаторе видна...»

Эти аккорды вытеснили страх, оставив в теле лишь знакомую готовность.

Шлюз открылся с долгим, шипящим звуком, словно нехотя выпуская его на волю. Выход в открытый космос был не прыжком, а падением в иную, абсолютно чуждую реальность. Беспредельная, живая, пугающая своей бездонностью чернота, усеянная бесстрастными алмазами далеких звезд. И хаос. Рои мелких, смертоносных осколков, сверкающих в слепящем свете солнца. Исковерканные, почерневшие останки собственного корабля. И самое страшное – застывшие в немой, ужасной агонии тела пилотов, припечатанные к разбитой кабине.

Дорога до шаттла ТЗС стала испытанием на прочность. Он плыл сквозь адскую карусель обломков, где каждый осколок металла, кружащийся в немом балете, мог стать последним. Малейшая ошибка, одно неловкое движение – и бритвенная кромка распорет скафандр. Он лавировал, замирал, снова ускорялся, сердце колотилось в такт коротким, нервным импульсам маневровых двигателей. И вот наконец его цель выплыла из хаоса.

Шаттл ТЗС был разорван, как консервная банка когтями гиганта. Внутри, в ледяном мраке, плавал лишь один обледеневший, скрюченный труп. Но Филатов, проявляя чудеса хладнокровия и выучки, методично, как на тренировке, обыскал обломки и нашел то, за чем летел:

несколько баллонов с драгоценным кислородом, два уцелевших, хоть и поврежденных скафандра и, по невероятной, почти мистической удаче, плазменный резак.

Обратный путь стал настоящей дорогой через ад. Зацепившись спиной за торчащую, острую балку, он почувствовал резкий щелчок и треск в ранце. Индикатор кислорода на внутреннем дисплее завыл пронзительной, неумолимой сиреной, отсчитывая последние минуты жизни. И в этот самый момент, сквозь музыку и собственное тяжелое дыхание, в наушниках раздался сдавленный, вымученный выдох Самойловой, вытолкнутый из пересохшего горла.

– Майор... – хриплый, с надрывом выдох, пауза, свистящий вдох. – Кажется... Все...

Легкие сжались в спазме. Сначала от самих слов, потом страшнее – от голоса, который их произнес. Он слышал, как умирают двое.

– Самойлова! Держись! Я почти... – начал он, но понял, что это бессмысленно – балка не отпускала.

И тогда в герметичном пространстве скафандра прозвучала отборная, яростная, бессильная матерная тирада... В ней была вся ярость, вся боль, все отчаяние человека, в одиночку борющегося против безжалостной, равнодушной вселенной. Но сдаваться, опускать руки – это было не в его правилах. Не в его характере.

Дернувшись снова, он понял, что ранец пробит и мертв, двигатели не работают. Остался один путь – отстегнуться и оттолкнуться. Он обнял драгоценные баллоны и спасенные скафандры, перецепил шланги на аварийный запас и, изо всех сил оттолкнувшись ногами от каркаса, полетел к своему кораблю. Слишком быстро. Слишком сильно.

Удар о корпус отозвался в костях глухим хрустом. Белая, обжигающая волна боли пронзила грудь и левую руку. Ребра. Ключица. Но он был уже у своего люка. Осталось только залезть внутрь, преодолевая боль, которая туманила сознание.

Внутри царил крошечный ад. Температура зашкаливала за все мыслимые пределы, воздух был раскаленным. Самойлова, отдав свой исправный скафандр связанному Тарасову, была без сознания, ее тело обмякло, на грани тепловой смерти.

Глеб и Анастасия еле успели, помогая друг другу дрожащими руками, надеть на Алену спасенный скафандр. Филатов, обессиленный, истекающий потом и болью, оттолкнулся к телу майора. Через стекло своего шлема он увидел то, что и так знал. Кожа на лице Комарова была мертвенно-бледной, с синеватым оттенком, рот приоткрыт в беззвучном последнем выдохе. Филатов с силой, почти грубо, отстегнул перчатку и прижал пальцы к его шее, Кожа была влажной, душно-теплой и абсолютно неподвижной. Ни намёка на пульс, лишь безжизненная податливость плоти. Убрав руку, он обессиленно прислонился к стене.

Чувство полного, тотального поражения, тяжелое и липкое, как смола, накрыло его с головой. Его силы были на исходе. Сознание начало уплывать в черную, манящую, спокойную пустоту. И он не стал ей сопротивляться.

Очнулся Глеб от того, что ему было... идеально. Никакой боли. Никакой усталости. Ни тяжести в костях. Он лежал на мягкой, невероятно удобной кровати в светлой, просторной палате. За большим, кристально чистым иллюминатором простирался безжизненный, но от этого не менее величественный и завораживающий лунный пейзаж – серые равнины, острые пики кратеров, и висящая в черноте далекая Земля.

Рядом с кроватью стояли майор Комаров, живой и невредимый, без единой царапины, и Илья. Мальчик смотрел на Владислава своим неизменным, пронзительным, все понимающим взглядом.

– Простите, что убил вас, дядя майор, – тихо, но четко сказал Илья. – Но меня попросили. Это было необходимо.

– Ты все сделал абсолютно правильно, Илья. Ты большой молодец, – голос Комарова звучал непривычно мягко, почти по-отечески.

– Они обещали покатасть меня по Луне, если все получится. Я так мечтал об этом, – робко и с надеждой проговорил мальчик.

– Если хочешь, мы можем вместе это сделать, – с улыбкой ответил майор.

– Обещаете? Давайте вместе! Тетя Настя будет рада... Ой, кажется дядя Глеб проснулся.

Филатов уставился на них, не в силах вымолвить ни слова. Его мозг, настроенный на выживание, отказывался верить в происходящее. Это был сон. Галлюцинация перед смертью.

– Обещаю. Илья, позволь нам поговорить с дядей Глебом, тетя Настя тебя, наверное, уже заждалась за дверью.

Мальчик посмотрел на Филатова и произнес: «Вы – хороший» вышел из палаты.

– Что вы знаете о программе «КРИЗИС», капитан? – спросил Комаров, придвигая стул и садясь напротив.

Так началось посвящение. Медленное, шокирующее, пошаговое, как разбор сложной операции. Весь полет, катастрофа, борьба за выживание, смерть майора – все это была иллюзия. Глубоко продуманный, тотальный эксперимент, гипериммерсивная виртуальная реальность, созданная уникальными, необъяснимыми способностями мальчика Ильи.

Глеб слушал, и первым чувством была слепая, бешеная, всеокрушающая ярость. Его использовали. Как лабораторную крысу. Его боль, его страх, его титанические усилия – все это было частью спектакля, разыгранного у него за спиной. Но тут он вспомнил про свою команду.

– Мои люди, – Сидоров, Тарасов, Самойлова... Где они? Они тоже участвовали в этом шоу?

– Нет. Они на Земле. Догуливают свои законные отпуска в полном неведении, – ответил майор, глядя прямо в глаза Филатову. – В реальном отсеке вместо них были операторы и медики. Для твоих людей ты всё ещё в командировке.

Филатов молча кивнул. Спасибо, чёрт возьми. Значит, и истерика Тарасова, и синяя от натуги физиономия Сидорова – всё это было лишь тщательно прописанной ролью в спектакле, который разыгрывали у него в голове. От этого становилось и легче, и как-то... пусто.

– Понятно, – голос Филатова был хриплым, сдавленным. – И для чего все это? Чтобы посмотреть, как я буду задыхаться и хоронить людей?

– Цель эксперимента – двойная, – голос Комарова оставался ровным, будто он объяснял техническое задание. – Всесторонне оценить вас для будущей миссии и изучить потенциал мальчика. Он уникален. И да, мы наблюдали не за вашими страданиями, капитан. Мы наблюдали за вашими выборами.

Гнев Глеба начал быстро вытесняться холодным интересом по поводу миссии, а потом и знакомым, пьянящим азартом.

– Вторая часть эксперимента, – продолжал Комаров, – с высадкой в ту пещеру куда вы направлялись, была отменена по моему решению. Мне хватило того, что я увидел в первой. Ты прошел. Я официально предлагаю тебе место в своей команде. В миссии, ради которой все это и затевалось.

– И что же это за миссия? – Филатов старался сохранить маску безразличия, но в его голосе все равно прозвучал интерес.

– «Герон».

Филатов замер.

– Серьезно? – уточнил он, уже без тени наигранности.

– Абсолютно, – подтвердил Комаров. – Вылет после двухлетней подготовки.

Глеб молчал, пропуская через себя информацию. «Герон». Два года. Команда Комарова. Риск, превышающий все мыслимые пределы. И ради чего? Ради призрака, о котором ходили лишь слухи?

– И зачем мне все это? – Филатов покачал головой, – тем более с такими-то методами вербовки.

– Весь экипаж станет легендой. Тебя покажут по всем новостным каналам мира. Твоя дочь будет гордиться тобой так, как никогда еще не гордилась ни одним человеком. А еще...
– Комаров сделал театральную паузу, зная точно, куда нужно бить, чтобы достичь цели. – Мы выдадим тебе личный, опытный образец боевого экзоскостюма «Ратник-Н7». Не в симуляции. Наяву.

Глаза Филатова загорелись неподдельным, почти детским, жадным восторгом. О такой «игрушке» он мог только мечтать.

– Я согласен! Вы сейчас не шутите? «Ратник-Н7»? Серьезно?

– Абсолютно серьезно, – Комаров позволил себе редкую, едва заметную, но искреннюю улыбку. – Добро пожаловать в «КРИЗИС», капитан.

Когда майор вышел, оставив Глеба наедине с величественным и пустынным лунным пейзажем, Филатов откинулся на подушки. На его лице расплылась медленная, глубокая, довольная улыбка. Он смотрел на безжизненные, испещренные кратерами равнины и думал не о грядущей миссии и не об опасности. Он думал об одном. «А ведь было чертовски кайфово».

Каюта майора Комарова на лунной базе была аскетичным убежищем – металл, стандартные панели управления, единственным признаком личного пространства служила фотография старого земного леса на столе. Владислав скинул китель, оставаясь в черной форменной рубашке, когда на экране замигал вызов. Он выпрямился, приняв привычную собранную позу, прежде чем принять связь.

На мониторе возникло иссушенное, испещренное морщинами лицо генерала Молотова. Глаза, похожие на два прицельных пятна, мгновенно оценили обстановку.

– Докладывайте, майор, – голос был ровным, без приветствий, экономя время и силы.

– Капитан Филатов прошел первую фазу, —отчеканил Комаров, глядя в камеру. – продемонстрировал не только навыки кризисного управления, но и готовность к личному риску для сохранения жизней подчиненных и гражданских. Оценка – «соответствует».

Уголок рта Молотова дрогнул в подобии улыбки.

– Убедительно. А на вас лично, майор? Какое впечатление произвел эксперимент?

– Это был... уникальный опыт, – Комаров тщательно подбирая слова. – Границы реальности оказались более размыты, чем предполагалось.

– Согласен. Данные, которые передает мальчик, переворачивают представления о возможностях психики. Нонсенс, – Молотов замолчал перед тем как продолжить, – жаль, мы его теряем. Врачи дают не больше полугода. Дар сжигает его изнутри, – взгляд генерала, только что острый как бритва, на мгновение стал отрешенным.

Майора, неожиданно для него самого, кольнуло где-то глубоко в груди. Всплыла память: бледное, сосредоточенное на эксперименте лицо Ильи, его тихий голос, когда он спрашивал можно ли не убивать майора.

– Потеря... невосполнимая, – сухо констатировал Комаров, загнав внезапную жалость в самый дальний угол.

– Что с Филатовым? – генерал вернулся к делу.

– Согласился на вступление в «КРИЗИС».

С лица Молотова мгновенно испарилась всякая отрешенность.

– Объясните. Вторая часть эксперимента была обязательна. Проверка в условиях прямого контакта с враждебной неизвестностью. Без нее его психологическая устойчивость под вопросом.

Комаров почувствовал, как напряглись мышцы спины.

– Я отменил ее. И проинформировал капитана об истинной природе испытания. Его реакция подтвердила адекватность. Вторая фаза, с потерей команды, могла сломать его мотивацию, а не укрепить. Я считаю, он готов.

– Вы своевольничаете, майор, – голос Молотова стал тише и оттого опаснее. – Этот протокол утверждался еще до вашего назначения. Вы рискуете всей миссией, полагаясь на собственную интуицию.

– Я рискую, опираясь на анализ его личности и боевого опыта, – парировал Комаров, чувствуя, как нарастает внутреннее сопротивление. – Смерть товарищей в симуляции не закалит того, кто и так знает им цену. Она его озлобит. А нам нужен солдат, а не мститель.

Экран замер. Молотов изучал его с холодной, безжалостной пронизательностью. Воздух в каюте стал густым и тяжелым.

– Будь по-твоему, майор, – наконец отрезал генерал, и в его голосе вновь появились привычные металлические нотки. – Твоя ставка сделана. Руководствуйся ей. Но чтобы это было в последний раз.

– Так точно.

– Впереди два года интенсивной подготовки. Этого должно хватить. И, майор... Пока вы были заняты театром, ученые с «Зари» нашли кое-что любопытное, связанное с экспериментом, в котором участвовал Ельчин. Данные у вас в зашифрованном пакете. Ознакомьтесь. Исходя из ситуации можете использовать их для вербовки Беловой. Конец связи.

Комаров откинулся на спинку кресла, позволив себе один глубокий, снимающий напряжение выдох. Ослушаться Молотова было все равно что играть в русскую рулетку. Но он был уверен в своем решении.

Луноход, похожий на бронированного паука, резал безвоздушную пустыню. В салоне, приглушенный вакуумом, стоял лишь ровный гул двигателя и прерывистое дыхание Ильи в шлеме. Мальчик вцепился в поручень так, словно от этого зависела его жизнь. Сквозь стекло, покрывающееся тончайшей серой пылью, проплывали безмолвные пики гор, залитые призрачным светом далекой Земли.

Комаров наблюдал за ним краем глаза. Бледное лицо Ильи, обычно застывшее в маске не по годам взрослой серьезности, сейчас светилось изнутри тихим, непрерывным восторгом. В его взгляде, устремленном в иллюминатор, полыхала такая пронзительная, ненасытная жажда жизни, что у Владислава вновь, в обход всех защитных механизмов, шевельнулось внутри что-то острое и неуместное. Он анализировал это чувство, как анализировал бы какую-то неисправность, брешь. Ответственность? Да. Но что-то еще. Что-то примитивное, от чего он годами выстраивал баррикады. Собственных детей у него не было – сама служба была надежным контрацептивом. И теперь он не знал, как реагировать на это тихое ЧП у себя внутри.

– Дядя Владислав, а мы долго еще будем ехать? – голос Ильи, приглушенный скафандром, вывел его из раздумий.

– Столько, сколько тебе захочется, – Комаров почувствовал, как в углах его губ непроизвольно дрогнули мышцы. – Куда направим? К кратеру «Тихо»? Или к горам?

Илья нахмурил брови, весь превратившись в сосредоточение.

– Мне бы просто... посмотреть, – тихо сказал он. – Чтобы было красиво.

Комаров коротко переговорил с водителем. Машина, взметая фонтаны реголита, вынесла их на небольшую равнину, усыпанную миллиардами сверкающих кристаллов.

– Смотри, – Владислав указал рукой на переливающуюся полосу. – Лунный лед. Видишь, как свет преломляется?

Илья ахнул, и этот звук, полный настоящего детского удивления, снова кольнул Комарова в грудь. Кристаллы отражали земной свет, создавая иллюзию сияющего, неземного моста. Картина была настолько совершенной, что казалась чужой, не предназначенной для человеческих глаз. По команде майора луноход замер.

– Пойдем, – его голос прозвучал в шлеме тверже, чем он планировал. Он открыл люк. – Пора оставить свой след.

Глаза Ильи расширились.

– Правда, можно?! Дядя Владислав, это... это лучший день!

– Идем же, – Комаров протянул руку, и его мощная, привыкшая к оружию ладонь обхватила тонкую, почти невесомую руку мальчика.

Они ступили на грунт. Да, Владислав и сам был здесь впервые. Вся его подготовка, все моделирования меркли перед этой гнетущей, величественной реальностью. Он сделал шаг – и под его ботинком легкий, пористый реголит спрессовался в четкий, неровный отпечаток. Илья, старательно переставляя ноги, оставил рядом свой, маленький и аккуратный.

– Я читал, что следы здесь могут храниться миллионы лет, – тихо, но четко сказал мальчик. – Когда меня не станет... мой след останется. Здесь. Рядом с вашим.

Сердце Комарова в этот момент сжалось с такой силой, что на мгновение перехватило дыхание. Он смотрел на два следа – один большой, решительный, другой – хрупкий и обреченный. Все чувства застряли в горле мертвым грузом.

Он так и молчал, не в силах найти, не в силах сказать необходимые слова.

Холодный, отраженный свет омывал их фигуры, отбрасывая длинные, уродливо искаженные тени. Илья был спокоен. Его глаза, казалось, вобрали в себя всю бездонную черноту космоса и теперь отражали какую-то далекую, непостижимую истину.

– Смотрите... дядя Владислав... – прошептал мальчик, и его пальцы слабо сжали руку майора.

Одного мгновения хватило, чтобы лунная равнина рассыпалась на пиксели. Не было плавного перехода – был сбой, щелчок выбитой пробки в сознании. Реальность, которую Комаров знал, отступила, захлестнутая лавиной чужой памяти.

Он уже не стоял на Луне. Он плыл в немой, ледяной пустоте, а перед ним, заслоня полнеба, висел корабль. Не творение земных инженеров с их угловатой геометрией, а нечто органичное, плавное, изящное. Белый корпус мерцал тусклым, нездешним светом, и вокруг него, словно рои насекомых-механиков, суетились десятки меньших аппаратов, занятых непонятной, сложной работой.

Его сознание, без его воли, пронзило обшивку. Внутри – гигантские, стерильные залы, уходящие в темноту. Бесконечные ряды криокапсул, словно ячейки колоссального хранилища. Тысячи капсул. И в них – они. Существа. Высокие, до неестественности хрупкие, с кожей цвета лунного света и большими, слишком большими глазами, в которых застыла вечность сна. Их облик был чуждым, но в чертах сквозила призрачная, едва уловимая гармония, словно отголосок давно забытого сновидения. Длинные, полупрозрачные волосы плавали в анабиозной жидкости, как белые водоросли. И на всех без исключения лицах – один и тот же отпечаток: сплав леденящего ужаса и оскаленной, отчаянной решимости. Они не просто летели. Они бежали. От чего-то, что не оставляло шансов.

Сознание Комарова, как беспристрастный сенсор, зафиксировало новую фазу. На окраинах Солнечной системы, в темноте, куда не доходило тепло солнца, начали разворачиваться гигантские, непостижимые структуры. И тогда пространство содрогнулось от колоссального, невидимого импульса. Энергетическое поле, титанический щит, окутал всю систему, от края до края. Последний рубеж. Отчаянная попытка спрятаться.

И тогда его бросило вниз, сквозь время. Он ощутил всем существом – жар молодого, агрессивного солнца, влажный, густой запах чужих джунглей, кислотный привкус страха. Он был среди них, этих бледных беглецов, смотрел их глазами на враждебный, дикий мир. Он чувствовал, как они умирают от неизвестных вирусов, как кричат от боли в когтях местных хищников, как отчаянно цепляются за жизнь.

Видение сменилось, как кадр при перематке. Теперь он видел сияющий город, стремительные силуэты инженеров и ученых, лихорадочную работу. Но даже здесь, в этом убежище,

в их глазах горел все тот же, неусыпный страх. Они знали. Опасность не исчезла. Она была там, за пределами щита, в глубинах космоса. И она ждала.

Резкий, обжигающий щелчок в сознании – и его вырвало обратно. Он снова стоял на Луне. Ноги были ватными, в ушах звенела оглушительная тишина. Илья смотрел на Землю. Его взгляд потух, будто отдав последние силы.

– Дядя Владислав, Вы видели? Они убежали. И спрятались здесь, – его голос был слабым радиосигналом на грани обрыва.

– Илья... что это было? – собственный голос показался Комарову хриплым и чужим. – Ты сделал... как с дядей Глебом?

– Нет. Это не иллюзия. Это – эхо. Настоящее прошлое. Здесь, на Луне, оно... чище. Я наконец узнал правду. Вместе с Вами... – мальчик медленно выдохнул. – Теперь я могу спокойно отправляться домой. Спасибо, дядя Владислав.

Комаров молчал. Его разум, отточенный для анализа тактических ситуаций, вновь беспомощно буксовал перед открывшимся масштабом. Но одна мысль кристаллизовалась с железной ясностью: теперь он знал —одиночество человечества в галактике – это иллюзия, защита, тщательно выстроенная расой инопланетян, прибывших на Землю миллионы лет назад.

Тишина за пределами Солнечной системы была не пустотой, а глухой стеной, за которой могло скрываться что угодно. Или кто угодно.

Глава 4. Поверь глазам своим

Мария обвела взглядом аудиторию, и в ответ десятки пар глаз замерли, пойманные вниманием ее больших, зелено-голубых глаз. Ни одного телефона, ни одного отведенного в сторону взгляда – только полная, почти физическая поглощенность. Ее голос, низкий и поставленный, легко достигал самого дальнего угла, не нуждаясь в микрофоне.

– Шумеры, – ее голос, заставил вздрогнуть даже самых невнимательных, – не просто оставили нам колесо и клинопись. Они оставили нам идею колыбели человечества. Первый миф о нашем общем доме, о месте, откуда все началось. Здесь, в междуречье Тигра и Евфрата. Они возводили зиккураты не только для молитв. Они строили лестницу в небо, потому что чувствовали это костями: главный ответ – кто мы и зачем? – находится не здесь. Они искали его там, наверху, среди безразличных звезд. Их цивилизация рассыпалась в пыль, но их вечные вопросы остались: одни ли мы? Что ждет нас за горизонтом?

Откинув со лба прядь густых каштановых волос, она легким движением пальца на пульте сменила изображение. На гигантском экране за ее спиной возникло безжалостно ясное, усыпанное бриллиантами звездное небо, нависшее над древними, истерзанными временем руинами Ура. В этот момент ее взгляд, скользя по задним рядам, зацепился за незнакомца.

Он сидел один, в полутьме под амфитеатром. Молодой человек в простом темном джемпере. Его поза была расслабленной, почти небрежной, но все в нем – от идеально прямой спины до сложенных на столике рук – кричало о вышколенной дисциплине. И его взгляд... Он не просто смотрел на нее. Он изучал. Острый, пристальный, сканирующий взгляд, в котором не было ни капли студенческого любопытства. Будто он ждал именно этих слов, и теперь сверял их с неким внутренним эталоном.

Мария на секунду сбилась, почувствовав, как под этим взвешивающим, безжалостным вниманием уходят мысли. Легкий укол раздражения кольнул ее. Кто этот тип? Не студент – слишком стар. Не коллега – лицо абсолютно незнакомое. Журналист? Еще один помешанный на конспирологии чудака, пробившийся с улицы? Она собралась с мыслями и продолжила, но тень неловкости уже легла на ее сознание.

Когда прозвенел долгожданный звонок, студенты не бросились к выходу, а нехотя начали собирать вещи, некоторые подходили с вопросами. Мария отвечала автоматически, на автопилоте, краем глаза отмечая, как незнакомец поднялся и неспешно, с убийственной уверенностью хищника, знающего, что добыча никуда не денется, направился к кафедре.

Он ждал, пока последний студент не удалился. Теперь, вблизи, он казался еще более... сфокусированным. Энергия, исходившая от него, была почти физической.

– Блестящая лекция, – сказал он. Его голос был ровным, бархатным, но без тени подострастия или лести. – Хотя я бы позволил себе поспорить с одним ключевым тезисом.

– С каким именно? – Мария с вызовом подняла подбородок, откладывая в сторону стопку конспектов. Она ненавидела, когда выскочки пытались учить ее работе.

– С тем, что Месопотамия – первая колыбель разумной жизни на Земле. – Он сделал небольшую паузу, давая словам проникнуть глубже. – Что, если мы просто новые жильцы в старом, давно обжитом доме? А первые строители... гораздо, неизмеримо старше. На миллионы лет старше. И следы их ведут не в пыль пустынь, а туда, где геология встречается с историей, которой не должно быть.

Внутри у Марии все сжалось в холодный, знакомый комок раздражения. «Ну вот, началось. Очередной пророк из интернета, начитавшийся лженаучных теорий».

– Археология – наука о фактах, а не о догадках, – холодно, почти ледяным тоном парировала она, демонстративно собирая бумаги в кожаный портфель. – Без материальных доказательств все это остается на уровне красивых, но бесплодных сказок.

– А если доказательства есть? – Он мягко, почти небрежно положил на столешницу кафедры визитку. Не бумажную, а из черного матового пластика. Ни должности, ни организации. Только имя – «Владислав» – и номер телефона, выгравированный тонким шрифтом.

– Сказки меня не интересуют.

Он молчал. Секунду, другую.

– Профессор Каримов не считает это сказками. И просил передать вам самые теплые пожелания.

Уголок губ Марии дрогнул в едва заметной, кривой улыбке. Она демонстративно захлопнула ноутбук с лекцией, словно закрывая не только файл, но и саму возможность разговора.

– Тогда передайте в ответ и ему, – ее голос стал сухим и категоричным.

Она развернулась и пошла прочь, не дав ему больше сказать ни слова. Мария шла по коридору, и каблуки отбивали дробь её ярости.

– Дилетант. Нашел чужое имя – и решил, что этого достаточно.

Звонок ректора застал ее в конце последней, вечерней пары. Голос Михаила Ивановича, обычно бархатный, спокойный и отеческий, был пронзительно-нервным, сдавленным.

– Мария Александровна, зайдите, пожалуйста. Срочно. В мой кабинет. Безотлагательно.

Тревога, холодная и липкая, сковала ее сердце. Она вошла в его просторный, залитый осенним солнцем кабинет и сразу поняла – происходит что-то из ряда вон выходящее. Михаил Иванович метался по кабинету, его лицо пылало неестественным румянцем, седые, всегда идеально уложенные усы торчали щеткой.

– Мария, дорогая, вам нужно... то есть вас просят... мне позвонили, и я не мог... – он бессвязно бормотал, хватая ее за руку и почти силой усаживая в глубокое кожаное кресло для посетителей.

– Михаил Иванович, успокойтесь, умоляю. Сядьте. Глубоко вдохните. Что случилось?

– Вам нужно поговорить с этим человеком. Мне... мне приказали оказать ему полное содействие... – он говорил шепотом, словно боялся, что его подслушают.

– Мы, кажется, не успели как следует познакомиться утром, – раздался спокойный, узнаваемый голос из глубины кабинета.

Мария вздрогнула и обернулась. Он стоял у огромного окна, отвернувшись от вечерней панорамы города. Теперь на нем была не гражданская одежда, а строгая, идеально подогнанная черная форма с погонами майора. Он подошел, и его движения были такими же беззвучными, плавными и точными, как и раньше.

– Майор Комаров. «КРИЗИС».

Негромкий, почти интимный смешок вырвался у нее – звук, полный горького понимания.

– Так вы не ввали, – тихо произнесла она, наконец глядя ему прямо в глаза. – Вы принесли мне не теплые пожелания, майор. Вы принесли повестку. Что на этот раз? Новый сигнал, на который я снова должна потратить еще год жизни? – Она отступила на шаг, дистанцируясь. – Я не вернусь в «КРИЗИС». Ни за что.

Ректор, все более бледнея, беспомощно заерзал в своем кресле, его пальцы судорожно теребили край стола.

– Может, воды? Или чего покрепче? Я, кажется, мне нехорошо...

– Не нужно, – коротко, почти резко бросил Комаров, пристально глядя на Марию. – Дело не в сигналах. Вам показывали когда-нибудь нечто, что не поддается абсолютно никакому объяснению с точки зрения вашей уважаемой «науки о фактах»?

Мария скрестила руки на груди. На мгновение во взгляде вспыхнуло неподдельное любопытство, но она тут же прищурилась, скрывая его.

– О чем вы, майор? – Устало спросила она, – Речь о «Героне»?

Параллельно ее вопросу Михаил Иванович сдавленно, по-стариковски крякнул. Его лицо из бледного стало землисто-серым. Он попытался встать, опираясь на стол, но его рука бес- сильно скользнула по глянцевой поверхности, и он тяжело, словно подкошенный, рухнул на ковер, не пытаясь даже смягчить падение.

Оцепеневшая Мария могла лишь наблюдать за пугающе быстрой реакцией майора. Он подскочил к профессору, его команды были четкими, как выстрелы, разрезающими панику: «Скорая! Немедленно!», «Освободить шею!», «Аптечка, где у вас аптечка?!».

Мария, будто сквозь туман, судорожно набирала номер, ее пальцы не слушались, глотая слезы. Он работал быстро, профессионально, без суеты. Его пальцы уверенно расстегнули воротник, вложили нитроглицерин под язык. Он был сосредоточен, холоден, абсолютно эффективен. И от этой слаженности, от этого полного контроля над хаосом, у Марии перехватило дыхание.

Когда врачи, забрав Михаила Ивановича, уехали, в опустевшем кабинете повисла давящая тишина, нарушаемая лишь тиканьем настенных часов.

– Если бы не вы... – начала Мария, все еще не в силах совладать с дрожью в руках и комом в горле.

– Это моя вина, – перебил он ее, его голос вновь был ровным и лишенным эмоций. – Не следовало давить на него, пуская в ход свои ресурсы. Просчет.

В его голосе не было ни капли оправданий, лишь сухая констатация факта. Мария лишь машинально кивнула в ответ.

– Спасибо, – выдохнула она, наконец поднимая на него глаза. – Так для чего вы меня нашли, Владислав?

– Предлагаю продолжить не здесь, – окидывая взглядом пустой кабинет, ответил он.

– Согласна. Через дорогу есть небольшое кафе. Кажется, мне сейчас не помешает чашка кофе.

Кафе было тихим, практически пустым. Полумрак и бархатная обивка кресел создавали ощущение кокона, отгораживающего от внешнего мира.

Когда официант, приняв заказ, удалился, Комаров откинулся на спинку кресла. Маска безразличия слегка спала, обнажив усталость.

– Вы выглядите измотанной, Мария, – констатировал он.

Сейчас усталость проступала и сквозь его обычную сдержанность.

– У меня был эмоционально насыщенный день. Частично – благодаря вам, – пробормотала она, сжимая горячую чашку. – Итак, зачем вы меня искали? После провала в «КРИЗИС» я думала, мое досье у вас с пометкой «неблагонадежна».

– Напротив. Каримов настаивал, что ваш аналитический ум и знание древних языков – это единственное, что может помочь.

– Все-таки про «Герон»?

– Я предлагаю вам присоединиться к экспедиции, которая отправится к кораблю. Ваша задача – установить контакт с его обитателями.

Мария от неожиданности едва не расплескала горячий напиток. Кофе обжег пальцы, но не так сильно, как само предложение.

– Устанавливать контакт? Я?

Это был не вопрос, а требование подтвердить абсурд.

– Все верно, – Комаров не отводил взгляда, его сложенные на столе руки были неподвижны. – Нам нужен ваш опыт, ваш аналитический ум. Вы лучше всех сможете понять их систему коммуникации. Вы – филолог, который мыслит не текстами, а кодами. Именно это нам и нужно.

– Мой опыт? – она коротко, беззвучно рассмеялась. – Мой опыт, майор, – это год жизни, потраченный впустую на сигналы, которые я так и не смогла расшифровать. И вы после этого предлагаете мне не набор данных, а живой контакт? Где цена ошибки – не досадная пометка в отчёте, а непредсказуемые последствия? Вы хотите, чтобы я не просто снова потерпела неудачу, а устроила межрасовый конфликт?

– Риск есть, – отрезал Комаров, его взгляд стал твёрже. – Но это риск, основанный на реальном объекте, а не на гипотетическом сигнале. Пять лет – цена за возможность задать вопросы самой цивилизации, а не гадать на её обломках. Вы боитесь ответственности, но именно ваш прошлый «провал» – та причина, по которой мы здесь. Ошибки – самый ценный ресурс. Они сужают поле слепого поиска. Вы боитесь их повторения, или того, что окажется недостаточно хороши, когда ставки станут выше?

Его слова, холодные и точные, вскрыли самую суть её страха. Она резко выпрямилась, глаза вспыхнули.

– Вы пытаетесь купить меня дешёвой провокацией, майор? – её голос стал низким и острым, как лезвие. – Моя неудача не даёт вам права ставить на мне крест и тем более – бросать меня в первую линию. Вы ищете не гения, а козла отпущения на случай, если ваш первый контакт обернётся катастрофой. И нет, я не дам вам списать на меня будущий провал. Это не осторожность. Это самосохранение. Это все? Я могу идти?

– Нет, – его голос прозвучал тихо, но с такой незыблемой уверенностью, что это прозвучало не как приказ, а как констатация закона физики. – Потому что вы только что доказали, что я не ошибся в выборе.

Он позволил паузе повиснуть в воздухе, давая ей осознать эти слова.

– Человек, которого не терзает страх перед провалом и ответственностью, для этой миссии непригоден. Самоуверенный дилетант, горящий жадной славой, устроил бы ту самую катастрофу, о которой вы говорите. Ваш страх, ваша ярость – это не слабость. Это адекватная реакция на масштаб задачи.

Майор коротко вздохнул, словно отбрасывая последние сомнения. Затем он неторопливо достал смартфон, отыскал файл и положил аппарат на стол между ними, подтолкнув его к ней кончиками пальцев.

– Забудьте пока о "Героне", он может подождать. Но то, что мы нашли, ждать не будет. И не простит невнимания.

Мария испытывала жгучее желание отшвырнуть телефон. Однако его уверенная настойчивость сломила сопротивление. Она протянула руку и включила запись.

И то, что она увидела, заставило ее кровь похолодеть.

Это была не графика. Это была сырая, необработанная запись, сделанная, судя по всему, из кабины самолета. Дрожащий, нервный голос пилота отсчитывал параметры. Разгон, невыносимые перегрузки, давящие на глазные яблоки. Щелчок тумблера – и...

Разлом.

Реальность за стеклом поплыла, исказилась. Гигантские, незнакомые папоротники, молочно-белесое, чужое небо. И другой самолет, плавный, бесшумный, с обводами, не подчиняющимися законам аэродинамики. Он висел рядом. В кабине – пилот в странном шлеме. Потом – стремительный, сумасшедший полет над измененной планетой. И черный, отполированный до зеркального блеска саркофаг, одиноко стоящий на плато. Отчаянные движения сопровождавшего пилота, указывающего на него были полны такого трагического, многослойного смысла, что становилось больно смотреть.

И финал – огненный апокалипсис, испаряющиеся океаны, небо, польхающее в ядерном зареве. Сходящая с ума планета.

Запись оборвалась. Мария опустила телефон на стол, чувствуя, как земля уходит у нее из-под ног. Ладони были влажными, в горле пересохло. Это было не кино. Точно не кино.

– Что... что это было? – ее голос сорвался на шепот.

– Эксперимент. Пилот Ельчин. Результаты непредсказуемые. Он стал свидетелем гибели цивилизации, обитающей на Земле шестьдесят шесть миллионов лет назад.

– Бред, – выдохнула она, – это... монтаж. Дешевые спецэффекты. Наука...

– Наука должна объяснять факты, – мягко, но неумолимо перебил он. – Этот полет – факт. Этот монолит оставленный древней цивилизацией, – тоже факт. Но самое главное то, что мы его нашли. Анабарский щит, Сибирская платформа. Раскопки уже ведутся.

Мария застыла, не в силах издать ни звука. Воздух перестал поступать в легкие.

– Я предлагаю тебе быть там. Как ученому, который первым прикоснется к артефакту, не принадлежащему человечеству. К наследию цивилизации, которая была старше нашей на миллионы лет. Мы назвали их – Предтечи.

Мария молчала, глядя на потемневший экран смартфона. Стены ее реальности рушились с оглушительным грохотом. Внутри нее бушевала война.

Владислав медленно поднялся, и вновь достав свою черную визитку, положил её на край стола.

– Я даю вам время подумать, Мария. Завтра в шестнадцать часов мой рейс улетает к месту раскопок. Там, мы ищем ответы... а не тех, на кого бы списать провал.

Он развернулся и ушёл, оставив её один на один с тишиной, гневом и этой черной визиткой, что лежала на столе, как приговор её спокойной жизни.

Она ехала в такси, и мир за окном казался бутафорией, наспех собранной декорацией к той пьесе, что разыгралась в кабинете ректора и в кафе. Реальность треснула, и в ней зияла бездна. Ее прежняя жизнь отступила в туманную даль, словно чужой сон, не имеющий над ней власти.

Мария вернулась домой, и ее встретил не просто запах ужина, а сам воздух упорядоченного мира – пахло воском для паркета, старой бумагой и его дорогими духами. Этот запах когда-то успокаивал, а теперь казался удушающим. Дмитрий стоял у книжной полки, вчитываясь в строки старого тома. Он не обернулся, услышав ее шаги.

– Твое молчание было красноречивее любого сообщения, – сказал он, не отрываясь от книги.

Мария застыла в дверном проеме, сжимая ремень сумки. В его голосе не было ни тревоги, ни упрека. Лишь ровная, тяжелая констатация.

– Случилось кое-что, – голос ее прозвучал хрипло. – У Михаила Ивановича... инфаркт. Прямо в кабинете.

Он медленно закрыл книгу, поставил ее на полку с отточенной точностью и наконец повернулся к ней. Его лицо было неестественно спокойным, будто перед решающим движением в шахматной партии.

– Серьезно? Жив? – спросил он безразлично, будто уточняя погоду.

– Жив. Его спас... человек, который ко мне приходил.

Она сделала паузу, ожидая вопроса. Какого человека? Зачем? Но Дмитрий лишь смотрел на нее своим тяжелым, изучающим взглядом, в котором читалось лишь одно: «Продолжай. Я жду».

Давление его молчания заставило ее выложить все одним выдохом, сбивчиво, почти оправдываясь.

– Майор Комаров. Из «КРИЗИСа». Он показал мне... Он предложил работу. Экспедицию.

Его спокойствие было обманчивым. Оно было того же свойства, что и спокойствие Комарова, но Дима был... иным. Он был философом-прагматиком, считавшим, что вселенские тайны нужно искать не в звездах, а в человеческом разуме.

– Он показал мне одну запись, Дим, – голос Марии прозвучал хрипло. – Он показал мне конец цивилизации, которая была старше нашей на миллионы лет. Он показал факт.

Его взгляд, тяжелый и пронзительный, упал на нее.

– Факт? – он мягко усмехнулся. – Мария, ты, из всех людей, должна понимать: самый опасный самообман – это принять интерпретацию за факт. Наверное, ты видела монтаж. Спецэффекты. Игру света. А он подал тебе это как откровение.

– Это не было игрой! – вырвалось у нее, и в голосе впервые зазвучали надрывные нотки. – Я чувствую разницу!

– Чувствуешь? – он сделал шаг к ней, и его фигура вдруг показалась ей не уютной, а подавляющей. – Именно чувствами он на тебя и давит. Он предлагает тебе готовый миф. Красивый, глобальный, таинственный. А что я предлагаю тебе? – он широким жестом обвел их заполненную книгами гостиную. – Я предлагаю тебе титанический труд по созданию своего собственного. По созданию себя. Не искать ответы среди звезд, а выковать их здесь, в горниле собственного духа.

Это была их старая, никогда не прекращавшаяся война. Он – за самоограничение и силу воли. Она – за экспансию и познание внешнего.

– Он зовет меня в экспедицию, – повторила она, и слова прозвучали как вызов.

– Я запрещаю тебе, – ответил он с ледяным спокойствием.

Повисла тишина. словно два разных вселенских закона столкнулись в тесном пространстве их гостиной.

– Ты... что? – прошептала она.

– Я не позволю тебе снова стать разменной монетой в чужих играх. «КРИЗИС» сломал тебя однажды, и я потратил год, чтобы собрать осколки. Я не отдам тебя им снова. Твое место здесь. Рядом со мной. В нашем общем деле.

«Наше общее дело» – его философский трактат, его жизнь, его вселенная, в которой ей отводилась роль музы, ученицы, хранительницы очага.

И тут она поняла. Ее тяга к звездам, к древностям, к разгадкам – все это он воспринимал не как призвание, а как досадное отклонение, болезнь роста, которую нужно переждать и вылечить.

– Ты не можешь мне запретить, – сказала она, и ее голос обрел стальную твердость. – Я не твоя собственность. И я не часть твоего «проекта».

– В том-то и дело, что часть! – его маска спокойствия треснула, и в глазах вспыхнул тот самый огонь фанатизма, который она раньше принимала за силу. – Мы – единственное, что имеет значение! Наша мысль, наша воля! Все остальное – иллюзия, которую нам подбрасывают, чтобы отвлечь от главного!

Он схватил ее за плечи, и его пальцы впились в кожу почти с болью.

– Проснись, Мария! Он не предлагает тебе знание! Он предлагает тебе яркую клетку! Ты будешь бегать по его лаборатории, как белая мышь, ты отдашь ему свои лучшие годы, а в итоге получишь лишь сувенир из пластика и горсть пыли! Я предлагаю тебе вечность! Здесь!

В его глазах она увидела не любовь, а одержимость. Он не любил ее. Он любил свою идею о ней. Идею совершенного спутника для своего интеллектуального путешествия.

Она медленно высвободилась из его хватки. Ее лицо было бледным, но абсолютно спокойным.

– Ты ошибался все это время, Дима, – сказала она тихо. – Ты говорил, что главные ответы – внутри. Но ты никогда не понимал, что чтобы заглянуть внутрь, нужно сначала выйти наружу. До самых звезд. Или до дна океана. Прощай.

Она повернулась и пошла прочь. Он не бежал за ней. Он стоял, как побежденный пророк, среди рухнувшего храма своей веры.

Мария вышла на улицу, и ветер резко хлопнул дверью подъезда, словно навсегда закрывая прошлую жизнь. Она шла, не чувствуя под ногами асфальта, и ей казалось, будто за ее спиной тянется невидимая нить, связывающая ее с только что пережитым кошмаром.

Эта нить вела вглубь дня, в тот самый момент, когда ловушка захлопнулась, в тот момент, который произошел еще до ее встречи в кабинете ректора.

Рабочий кабинет Дмитрия был другим миром. Не хаотичным миром Марии с картами и артефактами, а строгим, почти монашеским пространством. Книги в идеальном порядке, стопки рукописей, запах старой кожи и кофе. Дмитрий сидел за массивным столом, вчитываясь в текст, когда в дверь постучали.

– Войдите.

На пороге стоял Комаров. В своей строгой черной форме он выглядел здесь инородным телом, хищником, забредшим в библиотеку.

– Дмитрий, – голос Комарова был ровным, без вопросительной интонации. Он уже знал ответ.

– Я вас не ждал. Кто Вы? – Дмитрий отложил перо. Его поза выражала не страх, а настроенность ученого, увидевшего редкий экземпляр.

– Майор Комаров. «КРИЗИС».

Он вошел без приглашения, его взгляд скользнул по корешкам книг – Гегель, Шопенгауэр, Ницше.

– У вас очень импрессивная библиотека. Теория воли. Стремление к порядку из хаоса.

– Вы пришли поговорить о философии, майор? – в голосе Дмитрия прозвучала легкая насмешка.

– Я пришел поговорить о применении философии на практике. О вашей жене.

Дмитрий замер. Его пальцы сжались.

– Мария не имеет отношения к моим работам.

– Ошибаетесь. Она – ваш главный практический проект. Год назад «КРИЗИС» его едва не разрушил. Вы потратили уйму сил, чтобы собрать ее, вернуть в эту... – Комаров медленно обвел взглядом кабинет, – в эту идеально упорядоченную реальность, которую вы для нее выстроили.

– Я помог ей обрести почву под ногами. То, что вы называете «реальностью», – это единственное, что имеет значение. Не ваши звездные сказки.

– Согласен, – неожиданно сказал Комаров. Дмитрий вздрогнул. – Ваша реальность – это стены, пол и потолок. Надежные. Предсказуемые. Но у некоторых людей, Дмитрий, душа не помещается в комнате. Их сознанию нужен космос. Даже если этот космос их убьет.

– К чему вы ведете? – голос Дмитрия потерял надменность, в нем послышалась сталь.

– Я веду к тому, что сегодня я предложу Марии шаг в тот самый космос. И она его сделает. Потому что не может иначе. И вы не сможете ее удержать. Ваши стены для нее – тюрьма. Ваша забота – удушье.

– Она не посмеет, – прошипел Дмитрий, но в его глазах промелькнула тень сомнения, которое он сам себе не признавал.

– Посмеет. Потому что я покажу ей нечто такое, перед чем ваши философские построения покажутся детским лепетом. И когда она уйдет, вы будете стоять здесь, среди своих книг, побежденные не солдатом, а идеей, которая оказалась больше вашей.

Комаров сделал паузу, давая словам впитаться.

– Но я могу дать вам шанс. Не остановить ее – это невозможно. А сохранить лицо. Сделать так, чтобы ее уход был не вашим поражением, а... триумфом вашей воли.

Дмитрий смотрел на него, загипнотизированный, как кролик на удава.

– Что вы имеете в виду?

– Скажите ей: «Останься, чтобы доказать свою верность Истине. Моей Истине». Возьмите это. Сделайте испытанием. Сможете ли вы это сделать – вот настоящая проверка вашей воли.

Комаров произнес это с легкой, почти незаметной усмешкой в уголках губ. Он не сомневался в результате этой «проверки».

Дмитрий медленно опустился в кресло. Он смотрел в пространство, и в его глазах шла борьба. Гордость, страх, одержимость. Комаров бил точно в цель.

– Вы... дьявол, – тихо выдохнул Дмитрий.

– Нет. Я – практик. Я вижу структуру вещей и использую ее. Ваша структура хрупка, Дмитрий. Она держится на ее подчинении. Сегодня это закончится. Вы можете либо стать жертвой, либо... архитектором ее чувства вины. Выбор за вами.

Комаров развернулся и вышел, оставив Дмитрия наедине с его демонами и с циничным, безупречным планом.

Мария отдалась на волю старой памяти и ночного города. Огни за окном плыли мимо, не цепляя взгляд и не рождая мыслей. Дорога вела ее на смотровую площадку за городом, когда-то бывшая местом свиданий, а потом – убежищем. Она ждала найти там только ветер и одиночество, чтобы наконец дать волю чувствам, которых так упорно не допускала весь день.

Но место было занято. На самом краю обрыва, свесив ноги в темноту, сидел человек. Спина к ней, но его силуэт, вырезанный на фоне россыпи городских огней, был узнаваем с первого взгляда. Рядом с ним стояла початая бутылка дорогого виски.

Она не удивилась – будто часть ее ждала этого. Затем она сделала шаг вперед. Подошла почти бесшумно, но не сомневалась – он знал, что кто-то есть.

– Вы следите за мной? – ее голос прозвучал тихо, без прежнего вызова.

Комаров не повернулся. Его взгляд был прикован к огням внизу, будто он вел с ними безмолвный диалог. Прошло несколько секунд, прежде чем он ответил в пространство, обращаясь к ночи больше, чем к ней.

– В этом не было необходимости, – ответил он тихо. – Я знал об этом месте из вашего досье. И оно... показалось мне подходящим. Иногда чужие убежища кажутся... привлекательнее собственных.

Он не спрашивал, что она здесь делает. Он и так знал. Мария, не говоря ни слова, опустилась на холодную землю рядом с ним, в метре от края. Плечом к плечу с бездной и с ним. Он молча протянул ей бутылку. Она, не колеблясь, взяла ее, и сделала долгий, обжигающий глоток из горлышка. Жидкость огненной змейкой скользнула внутрь, разгоняя лед в жилах.

Они сидели в тишине, которая была громче любых слов. И вот, глядя на огни внизу, она наконец спросила. Без гнева, без упрека – просто выдохнула слова, которые висели в воздухе ожидая своей минуты.

– Вы ведь всем манипулировали? Мной. Ректором. Моим мужем. Весь этот день... это был ваш сценарий?

– Да, – его ответ был простым констатированием факта. Не оправданием, не вызовом – снова лишь фактом.

Она кивнула. Потом повернулась к нему, и в ее глазах читалось не осуждение, а странное, почти профессиональное любопытство.

– И каково это? Цель всегда оправдывает средства?

Комаров взял у нее из рук бутылку, его пальцы на секунду коснулись ее кожи – холодные. Он отпил, смотря в темноту.

– А оправдывает ли хирурга, который ампутирует конечность, его цель предотвратить неминуемое?

Мария медленно выдохнула, и вместе с паром в холодный воздух ушло последнее сопротивление. Она больше не ждала ответа. Он был в самой постановке вопроса. В его безжалостной, хирургической точности.

В этот момент сзади беззвучно подъехали две машины с выключенными фарами. Комаров поставил бутылку на землю, повернулся к ней. Вся тень усталости исчезла с его лица, смелая привычной, железной волей. В его глазах снова горел тот самый хищный, всевидящий огонь.

– Мне пора. Как закончите, вас отвезут в отель. Номер зарезервирован. Завтра утром водитель за вами заедет. Будьте готовы.

Он поднялся, отряхнул форменные брюки и, не оглядываясь, пошел к машине, оставив ее одну с бутылкой, ночным городом и принятым решением.

Мария посмотрела ему вслед, и подняв бутылку допила остатки виски до дна. Горько. Но честно.

Глава 5. Тот, кто знает тропы

Утренний свет пробивался сквозь неплотно задернутые шторы, выхватывая из полумрака безликую мебель номера. Мария проснулась от непривычного гула – не города за окном и не ровного храпа Димы с другой стороны кровати, а монотонного, механического дыхания кондиционера. Чужой звук в чужом пространстве.

Она лежала неподвижно, позволив реальности вернуться к ней холодным, точным уколом. Когда она, наконец, поднялась, движения были медленными, будто сквозь вязкую среду. Душ, одевание – все происходило на автомате.

Водитель, молчаливый и непроницаемый, ждал ее в холле. «У вас есть час», – сказал он, когда машина остановилась у знакомого подъезда. Не «ваш дом», а «у вас есть час».

Она поднялась в полной тишине. Пустая квартира пахла пылью и одиночеством. Следы вчерашней ссоры витали в воздухе, невидимые, но ощутимые, как запах гари.

Сборы в этой новой тишине были похожи на ритуал отречения. Она методично, почти бездумно, сверялась со списком, который сама же и составила когда-то для полевых исследований. Термобелье. Аптечка. Планшет. Каждый предмет – кирпичик в стене, отгораживающей ее от вчерашнего кошмара. Она брала только свое, купленное еще до Димы.

Пара звонков – в университет и в больницу ректору – лишь подтвердили: все было predetermined. «Спасибо, Владислав», – мысленно поблагодарила она, ощущая смесь признательности и досады от этой тотальной расчетливости.

Внезапная волна паники накатила на нее – позвонить, отменить, вернуть все как было. Но мгновение спустя, сжав зубы, она отбросила телефон. Пути назад не было.

Мария глубоко вздохнула, и взгляд ее, скользя по полкам, упал на рамку с фотографией родителей. Подойдя ближе, она взяла ее в руки. Пыль легла на стекло тонким слоем, но улыбки сквозь него проступали ясно.

– Простите, что не стала нормальной, – прошептала она, убирая снимок в рюкзак. Не память – амулет.

Она оглядела пустую гостиную в последний раз, вышла и закрыла дверь с тихим, окончательным щелчком.

В зале ожидания он возник из толпы беззвучно. Черная форма, единственный рюкзак. Его взгляд скользнул по ее лицу, выхватывая не детали, а общее состояние – бледность, синяки под глазами, собранную в кулак волю.

– Не передумали? – спросил он, встретив ее взгляд.

– Даже не рассчитывайте, – парировала она, поднимая подбородок. В ее глазах читалась та самая стальная воля, что он вчера в ней разглядел.

Регистрация, посадка. Он занял место у прохода, оставив ей иллюминатор – не столько жест галантности, сколько тактическое решение.

Взлет был стремительным, отрывая их от земли с почти жестокой уверенностью. За стеклом поплыла бескрайняя сибирская тайга – зеленое, бездушное море. Мария прильнула к иллюминатору, впитывая эту суровую мощь. Владислав откинулся на спинку кресла, глаза прикрыты, но расслабленности в его позе не было ни на йоту.

Удачный встретил их выдохом промерзшей земли. Аэропорт – бетонная коробка. Морозный воздух обжег легкие.

– Вертолет только завтра, – констатировал Комаров. – Переночуем в городе.

Гостиница оказалась аскетичным, но добротным приютом. Стены из проверенного временем морозостойкого камня, тройные рамы – здесь все говорило о разумной экономии сил в борьбе со стихией. Они сняли номера и вышли на улицу.

Город встретил их суровой, выверенной геометрией. Лишенный названий улиц, он был лабиринтом из нумерованных кварталов, застроенных зданиями из темного полярного гранита. Между ними возвышался храм Серафима Саровского – не островок прошлого, а органичная часть ландшафта. Его золоченые купола сверкали под низким солнцем с той же уверенностью, что и строгие контуры остекленных административных зданий.

Воздух был хрустальным от мороза и гудел от работы далекого ГОКа – негромкий, ровный гул, свидетельство наращивающей мощь жизни. У стелы в память воинам-защитникам лежали свежие цветы, припорошенные инеем. Здесь, за полярным кругом, не было места упадку: только постоянная, упрямая работа, превратившая поселок геологов в прочный форпост человечества в вечной мерзлоте.

Комаров молча вел ее через этот город-крепость, к его промышленной окраине, где началась дорога к карьере.

У смотровой площадки, как артефакт под открытым небом, стоял отреставрированный легендарный БелАЗ. На его исполинской крышке, выше человеческого роста, красовалась свежая табличка: «Гордость советского машиностроения. БелАЗ-7519 (110 тонн) Годы службы: 1983-1992. Ветеран труда».

А потом за краем площадки открылась она. Гигантская, частично затопленная чаша. Кимберлитовая трубка «Удачная». Техногенный кратер, уходящий в вечную мерзлоту. На его террасах, как на постаментах, застыли в вечной стоянке самосвалы и экскаваторы. Их очищенные силуэты, подсвеченные прожекторами, казались бронзовыми памятниками самим себе.

Зрелище было невероятным и холодным – не захватывающим мощью, а подавляющим завершенной, безмолвной монументальностью. Форпост человечества превратил величайшую рану в суровый памятник своей дерзости.

Но еще более невероятным оказалось небо над ними. Северное сияние. Не те бледные отсветы с открыток, а живая, яростная плоть космоса. Фантазмагорические сполохи зеленого, синего, фиолетового извивались в пустоте, заливая все вокруг мерцающим, призрачным светом. Казалось, сама реальность трескалась и из щелей сочилось дыхание иных миров.

Мария замерла, подняв лицо к этому безумному танцу. В ее глазах отражались целые галактики. Она не заметила, как поежилась от пронизывающего холода, но заметил он и молча сняв куртку, накинул ей на плечи. Грубая ткань хранила тепло его тела.

Волна благодарности и внезапной, острой близости подступила к горлу. Она почувствовала неодолимую тягу к этому теплу. Расстояние исчезло. Сначала лишь рукав его куртки коснулся его руки. Потом ее висок, холодный от непролитых слез, нашел опору на его плече. Тяжелая голова, набитая обломками реальности, наконец обрела покой.

И тогда случилось невозможное.

Его рука, действуя вразрез всем годам дрессировки, всем инстинктам солдата, поднялась и обвила ее плечи. Нежно, почти неуверенно, будто конечность внезапно перестала ему подчиняться. Это было грубейшее нарушение устава его собственной жизни. Контакт, не обусловленный тактической необходимостью. Просто... тепло.

Он замер, осознав случившееся с запозданием. Этот жест был абсолютно чужд всему, чем он был. Выученной сдержанности, железной самодисциплине, всей его выстроенной вселенной контроля. Он чувствовал, как по коже бегут мурашки – не от холода, а от панической ясности: вот она, брешь в его броне. Уязвимость, которую нельзя допускать. Но он медленно выдохнул, и... не отстранился. Не смог. Тепло ее плеча под его ладонью было страшнее любой угрозы, с которой он сталкивался, потому что эта – исходила изнутри.

– Спасибо, – прошептала она, и слова затерялись в ледяном воздухе. – Что привез меня сюда.

Обратно они молчали. Но это молчание было иным – густым, насыщенным, обжигающе живым.

В коридоре гостиницы, у своих дверей, они застыли на пороге.

– Завтра рано, – его голос прозвучал низко, с новой, несвойственной хрипотцой.

– Я знаю, – кивнула она, глядя ему прямо в глаза, – спокойной ночи, Владислав.

Когда ее дверь закрылась. Он остался по свою сторону, впервые за долгие годы чувствуя не тактическую победу, а смутную, тревожную уязвимость, которая может стоить дороже любой ошибки.

А она, прислонившись спиной к холодному дереву своей двери, понимала – точка невозврата была не дома и не в аэропорту. Она была здесь, на краю алмазной пропасти, под безумным, пылающим небом, где его куртка все еще пахла ветром и оружием.

Сон майора прервал резкий, настойчивый звонок в два часа ночи.

Владислав вырвался из небытия, каждый нерв натянут струной. Никогда в это время не звонят с хорошими новостями.

– Комаров, – его голос прозвучал хрипло, но сознание было уже чистым и острым.

– Майор, срочно поднимайся и буди Белову. – Голос Молотова был лишен обычной уставной металлической окраски. В нем слышалось нечто редкое – напряжение, приправленное спешкой. – Планы поменялись. Кардинально.

Владислав уже сидел на кровати, холодный паркет под босыми ногами. Он включил светильник – мягкий свет выхватил из тьмы строгие контуры номера.

– Что случилось, товарищ генерал?

– Случилось, кое-что... необычное. Курьер уже выехал к вам. Привезет вам вещи. Вы их все возьмете с собой. – Молотов сделал особый акцент на слове «все». – Водитель будет у отеля через полчаса. Доставит к вертолету. Вы отправитесь в точку, где вас встретит Нестор Петрович. Выполняйте все, что он скажет. Без вопросов.

Майор мысленно фиксировал инструкции, ощущая, как привычная, выстроенная как шахматная доска реальность начинает трещать по швам. Никаких Несторов Петровичей в оперативных планах не значилось. Их вертолет был назначен на десять утра.

– Кто этот Нестор Петрович? И что происходит? Раскопки? – Спросил он, пытаясь вернуть хоть какой-то контроль.

– Раскопки я только что остановил. Приостановил вообще всю деятельность в районе. – Голос Молотова стал тише, но от этого не менее весомым. – Ты не представляешь, чего мне стоило за час найти в вашей дыре новый вертолет и... предметы, которые вам привезут. Доберетесь до места – немедленно доложи. Конец связи.

Щелчок в трубке прозвучал как приговор. Комаров еще секунду сидел неподвижно, впитывая гробовую тишину номера. Остановить раскопки. Ночной вызов. Загадочный проводник. Это пахло не просто изменением планов. Это пахло кроличьей норой, в которую им сейчас предстояло прыгнуть.

Он резко встал, натянул штаны и свитер. Движения были отработаны – никакой суеты, только точность. Подойдя к двери, ведущей в смежный номер, он на секунду замер. За этой дверью спала женщина, чья жизнь за последние сутки перевернулась с ног на голову. И сейчас ему предстояло перевернуть ее снова.

Он постучал. Сначала тихо, потом громче.

– Кто там? – донесся из-за двери ее сонный, разбитый голос.

– Комаров.

Щелчок замка. Дверь приоткрылась. Мария стояла на пороге, закутанная в легкий махровый халат, беспомощно морщась от света в коридоре. Ее волосы были всклокочены, на щеках застыл след от подушки. Но в глазах, уже теряющих сонную муть, читалась тревога.

– Владислав? Который час? Что случилось?

– Два. Звонил Молотов. Раскопки остановлены. Нужно срочно собираться. Сейчас за нами приедут.

Она не спросила «куда» или «зачем». Она просто медленно кивнула, и в ее взгляде он прочел не страх, а странное, горькое принятие. Как будто она всегда знала, что покой – это лишь временная передышка между бурями.

– Двадцать минут, – тихо сказала она и закрыла дверь.

Владислав вернулся в свой номер. Через несколько минут раздался тихий стук в дверь. Курьер. Молчаливый мужчина в гражданском передал ему два увесистых рюкзака и так же бесшумно исчез.

Комаров расстегнул первый рюкзак и начал выкладывать содержимое на кровать. Комплекты утепленной арктической одежды. Валенки. Свернутая в аккуратную бухту альпинистская веревка с обвязкой. Брезент. Связка сухих, идеально обтесанных дров. Факельная зажигалка. Три мощных тактических фонаря. Три сухпайка. Термос. И...

Майор замер, рассматривая последний предмет. Он лежал на одеяле, и его абсурдность резала глаз.

...И крупная, ярко-желтая дыня.

В этот момент дверь открылась. Мария, уже одетая в дорожный костюм, вошла внутрь. Ее взгляд скользнул по снаряжению и задержался на фрукте.

Легкая улыбка тронула ее губы.

– Генерал отправляет нас на пикник?

Владислав молча протянул ей комплект утепленной одежды. Ему нечего было ответить. Он нервно упаковал все обратно, ощущая нелепый вес дыни внутри рюкзака. Вскоре они были готовы. Оставалось только ждать. Ждать и гадать, в какую именно бездну их сейчас бросят.

Их забрала... скорая помощь. Санитар, угрюмый якут, молча кивнул на задние сиденья.

– Куда едем, шеф? – спросила Мария, забираясь внутрь.

– Сказано – в больницу, – буркнул водитель.

Он привез их к заднему входу медучреждения, где на площадке уже прогревал двигатели медицинский вертолет. Перекинувшись взглядами, они забрались на борт. Пилот, не оборачиваясь, поднял большой палец вверх.

Когда они взлетели, Мария перекрикнула гул винтов:

– Как думаешь, генерал действительно остановил раскопки?

– Уверен. Молотов не шутит.

– А что могло его заставить? И куда нас везут? Зачем я тогда нужна?

– У меня нет ответов. Все, что знал – рассказал.

Она поняла, что больше ничего не узнает, и отвернулась к иллюминатору. Внизу проплывала бескрайняя, черная тайга. Летели они не меньше двух часов. Каждый был погружен в свои мысли.

Наконец вертолет начал снижаться, и вскоре завис в паре метрах над землей.

– Прибыли! Садиться не могу, площадка неподготовлена! Придется прыгать! – раздался в наушниках голос пилота.

Мария посмотрела на Владислава. В ее глазах читалось нечто среднее между ужасом и азартом.

– Ну что, майор, прыгал в детстве в сугробы? Пришло время вспомнить.

Он распахнул дверь. В лицо ударил ледяной ветер, пахнувший хвоей и бесконечностью. Вокруг зияла пустота – белый, неестественно ровный пятачок поляны в призрачном свете луны, зажатый со всех сторон сплошной чернотой спящего леса.

– Дружище, ты уверен, что привез нас куда надо? – крикнул майор пилоту.

– Координаты точные. Бывайте, топлива аккурат на обратный путь.

«А ведь меньше двух суток назад я спокойно читала лекцию...», – промелькнуло в голове у Марии, и от этой мысли стало одновременно жутко и пьяняще.

– Чур, я первая! – крикнула она, заглушая собственный страх, и бросилась вниз.

Владислав следом. Они стояли в снегу, провожая взглядом удаляющиеся огни вертолета. Его стихший гул оставил после себя тишину, в которой единственными звуками были их собственное дыхание и одинокий вой ветра, блуждающий среди верхушек сосен.

И тут из чащи, словно из самой тьмы, вышел старик. Высокий, сухопарый, в длинной овчинной шубе с глубоким капюшоном. В одной руке – посох, на плече – старенькое, но ухоженное ружье. Его борода, седая и густая, казалась инеем, покрывшим древнее дерево.

Старик, не спеша, побрел к ним по сугробам, переставляя посох и отыскивая им твердую опору. Он остановился в паре метров, перевел дух, и его хриплый голос легко разрезал морозный воздух:

– Ну, здравствуй, Владислав. Здравствуй, Машенька.

Мария почувствовала, как по спине пробежали мурашки. Не от страха, а от странного, щемящего чувства узнавания. Комаров, напротив, замер в идеальной, собранной позе. Его взгляд, холодный и сканирующий, впился в старика, выискивая ложь, угрозу, подвох.

– Вы Нестор Петрович? – первая опомнилась Мария, ее голос прозвучал громче, чем она ожидала.

– Я, милая, я. Чуток задержался, ноги уже не те, вы уж старика простите. – Он оперся на посох, и его взгляд, тяжелый и знающий, скользнул с Беловой на Комарова. – Идемте, в лесу сподручней будет, тут на ветру дует.

– Минуту, – голос Комарова был ровным, но в нем явно читался приказ. – Вы объясните, что мы здесь делаем?

Старик медленно повернул к нему голову.

– Объясню, майор, все объясню. Как на духу. Дойти только нужно. Там, на месте, все и расскажу.

– Я предпочитаю понимать ситуацию до того, как куда-то идти, – парировал Комаров. Его поза не поменялась.

– Понимание придет с дорогой, Владислав, – старик произнес его имя с мягким ударением, и это прозвучало как тонкий упрек. – А стоять здесь – значит замерзнуть. Или навлечь не нужное внимание... К тому же разве у вас нет приказа выполнять все без вопросов? – Хитро прищурился старик, – идем же.

Он развернулся и, переставляя посох, заковылял к черной стене леса. Его спина, прямая и негибкая, казалось, бросала вызов и возрасту, и майорскому недоверию.

Мария, помедлив секунду, решительно шагнула за проводником. Комаров, со сжатыми челюстями, бросил последний взгляд на пустующую поляну и последовал за ними. Он шел последним, его чувства, отмечали каждый шорох, каждую тень. Он не доверял старику.

Шли молча. Снег хрустел под ногами, холод пробирался сквозь слои одежды, пробивая даже тепло, накопленное за время движения. Ночь в тайге была абсолютной, слепой. Фонари выхватывали из тьмы лишь крошечные кусочки реальности: ствол впереди, корягу под ногами, заснеженную ветку у лица. Любой человек, даже опытный таежник, в таких условиях неминуемо бы замедлил шаг, пробираясь на ощупь, постоянно сверяясь с навигатором.

Но шаг Нестора Петровича был безошибочно уверенным. Он не колебался ни на секунду. Никогда. Он не всматривался в темноту, не искал тропу – он знал ее. Его посох ложился на землю не для того, чтобы нащупать опору, а будто отмечал уже известные ему вехи. Он обходил невидимые под снегом буреломы, не замечая их, словно читал ландшафт, как открытую книгу. Он не боролся с тайгой и не пробивался сквозь нее. Он был ее частью, ее продолжением, и ночь для него была не преградой, а естественной средой.

Через час, у гигантской лиственницы, он остановился.

– Передышка, – просто сказал он, опускаясь на валежину с тихим стоном. – Старые кости ноют.

Комаров использовал паузу, подойдя к нему вплотную.

– Вы так и не сказали, что нас ждет.

– Испытание, – старик поднял на него усталые глаза. – Первое. Для нее, – он кивнул в сторону Марии, которая, прислонившись к дереву, пыталась отдышаться.

– Какое? – в голосе майора зазвучало стальное терпение.

– Увидишь. Моими словами не объяснить. – Он перевел взгляд на Марию. – Слушай сюда, внученька. Там, впереди, будет... много всего. Голосов. Картинок. Знаний. Не читай. Поняла? Ничего не читай, каких бы усилий тебе это не стоило. Ищи ракушку. Простую, как у улитки. За ней и иди. Только за ней. Только так мы сможем не сгинуть в этой чаще.

Мария, все еще тяжело дыша, кивнула, в ее взгляде читалось сосредоточенное недоумение. «Ракушка?» Майор лишь с беспокойством посмотрел на нее.

– Это будет вопрос, – устало прошептал Нестор. – И ответ на него – молчание. Ну, все, старику хватит. Идем.

Он поднялся, и его движения стали еще более медленными, будто предстоящий путь отнимал у него последние силы.

Испытание настигло их на опушке, где снег внезапно оборвался, словно срезанный ножом. Под ногами оказался мягкий, упругий мох цвета увядшей фиалки. Воздух зазвенел, затрепетал, и реальность поплыла. Перед ними, не имея ни начала, ни конца, повисло нечто, от чего у Марии перехватило дыхание.

Тысячи голографических символов, формул, схем и текстов на невозможных языках плыли, переливаясь, сталкиваясь и рождая новые смыслы. Астрономические карты с созвездиями, которых не могло быть, соседствовали с биологическими схемами невероятных существ; поэтические строфы оборачивались математическими теоремами. Это был водопад чистого знания, оглушительный, ослепляющий, хаотичный.

Мария застыла на месте, ее глаза расширились. Разум ученого, годами голодавший по истине такого масштаба, рванулся вперед, жадно цепляясь за все сразу. Она ухватила за схему галактического кластера, пытаясь вникнуть в законы его движения, но тут же краем сознания поймала формулу, описывающую природу времени, а где-то рядом мелькали иероглифы, сулящие ключ к бессмертию. Информация врывается в ее мозг раскаленной сталью. Голова закружилась, в висках застучал молот, земля поплыла под ногами. Она почувствовала, как ее сознание, этот отлаженный инструмент, трещит по швам, перегружаясь до тошноты и белого шума в ушах.

– Белова! – ее вывел из ступора резкий, как выстрел, голос Комарова. Он схватил ее за плечи, чувствуя, как она вот-вот рухнет. Его собственный разум, тренированный отсекал лишнее, буйствовал. Он видел угрозу, но не понимал ее. Это была не атака, не физическая опасность. Это был соблазн. И он был смертельным.

– Нестор! – рявкнул он, поворачиваясь к старику.

– Ракушка, Машенька! – его хриплый крик пробился сквозь гул в ее голове. – Забудь про звезды! Про все! Вспомни ту, розовую, с перламутром внутри! Ту, что ты нашла на песчаном берегу речки, когда тебе было семь, и всё носила в кармашке, а потом... потеряла. Горько плакала тогда, помнишь? Так вот она не потерялась. Она здесь. Найди её!

Ледяная волна прокатилась по спине Марии, на мгновение пересилив даже оглушающий гул в голове. Этого не может быть. Эту детскую боль, эту крошечную, зажившую давным-давно ссадину на душе – она никогда и никому не рассказывала. Ни друзьям, ни коллегам, ни даже матери. Это было ее самое потаенное, семилетнее горе. Откуда он...?

Но времени на раздумья не было. Сознание захлестывало, границы реальности расплывались. И в этом хаосе его слова стали единственным якорем. Пронзенная странной надеж-

дой – безумной, иррациональной – она зажмурилась, отчаянно отталкивая соблазн вселенских тайн. «Не читать. Не анализировать. Найти ее.»

Она заставила себя дышать и просто смотреть. Сквозь ослепительный kaleidoscope смыслов – искать тот самый, простой и изящный, перламутровый узор. Ту самую пропажу.

И нашла. Среди всех этих сложнейших конструкций – изящную, бесконечно повторяющуюся спираль. Она была в изгибе светящейся частицы, в развороте крыла на анатомической схеме, в самом танце этого хаоса. Она была ключом. Путеводной нитью.

– Вот... – она выдохнула, и ее рука сама потянулась вперед, не физически, а мысленно, указывая путь. – Вот она...

– Иди за ней, – послышался спокойный голос Нестора. – Только за ней. А мы за тобой.

Мария шагнула в водопад света. Она шла, глядя на спасительную спираль, отсекая все остальное. И тут же почувствовала тепло ладони Владислава на своем плече. Молчаливый сигнал, который читался яснее любых слов: «Я с тобой. Мы идем вместе».

И это сработало. Сквозь оглушающий вихрь чужих знаний это простое человеческое тепло стало ее вторым якорем. Она чувствовала его руку на своем плече, и это придавало ей сил двигаться вперед, зная, что она не одна в этом безумии.

Они шли сквозь строй величайших соблазнов, какие только может предложить разум, не поддаваясь. И через несколько десятков шагов, так же внезапно, как и началось, видение исчезло. Они снова стояли в знакомой, суровой и молчаливой тайге.

Мария тяжело оперлась на колени, ее тело трясло от перенапряжения. Она чувствовала себя так, будто ее мозг вынули, помяли и вставили обратно.

Комаров стоял рядом, бледный, с напряженным лицом. Он смотрел на Нестора, который сел рядом с ней.

– Что... что это было? – прошептала Мария, с трудом выпрямляясь. Голос ее дрожал, но не от страха – от переизбытка чувств.

Она разжала ладонь, которую инстинктивно прижимала к груди все это время, и увидела – нет, не физическую ракушку, но ее идеальный, светящийся изнутри образ, медленно тающий в воздухе. И на мгновение ей снова было семь лет, и боль от той потери была наконец-то исцелена. Слезы блеснули на ее глазах, но она улыбалась – счастливая, растерянная улыбка.

– Это был первый вопрос, – ответил Нестор вставая, и в его потрескавшихся губах тоже дрогнуло подобие улыбки. В его голосе, всегда усталом, пробилась живая, теплая нота. Не просто уважение – глубокое, выстраданное облегчение. – «Сможешь ли ты найти простое в океане великого?» Ты не просто справилась, внученька. Ты вспомнила себя. – Он медленно перевел взгляд на Комарова, и в его глазах читалась благодарность. – А ты... подал ей руку, когда она искала. Не каждый сильный человек на это способен. Это был и твой ответ. – Старик вздохнул, и тень вновь легла на его лицо. – Идем. Дальше твой черед, внучек. Готовь сердце. Следующее... будет тише. И для многих – больше.

Они двинулись вглубь чащи. Теперь тропа, если ее можно было так назвать, вела под уклон, в лощину, заваленную буреломом. Снег здесь лежал неровным покровом, обнажая черные, скользкие корни, заставлявшие ступать осторожно и медленно.

В какой-то момент, перед рассветом, Нестор Петрович снова остановился, и на этот раз его рука, поднятая в предостерегающем жесте, замерла в воздухе. Он не поворачивался, стоя спиной к ним, весь внимание.

– Стойте, – его хриплый шепот был едва слышен. – Прислушайтесь.

Комаров мгновенно замер, вслушался. Его слух, тренированный годами, выхватывал малейшие вибрации: шелест иголок, треск ветки где-то вдали, собственное и учащенное дыхание Марии.

– Я ничего не слышу, – тихо, но твердо доложил он, сканируя взглядом заснеженные ели.

– Именно, – обернулся Нестор. Его глаза, казалось, видели сквозь тьму. – Птицы замолчали. Зверь затаился. Лес замер. Испытание началось.

И в этот миг пространство вокруг Комарова поплыло. Не так, как прежде – не ослепительным водопадом света, а тихой, коварной волной. Стволы деревьев сгустились в непроглядную, бархатную тьму. Земля ушла из-под ног. Он не падал – он завис в абсолютной пустоте, лишенной не только света и звука, но и самого ощущения тела. Тактильный вакуум. Его разум, всегда бывший его главным оружием, его крепостью, кричал в панике, не находя точек опоры. Он пытался пошевелить рукой, ногой, пальцем – и не получал ответа. Только нарастающий, леденящий душу ужас паралича, полного и бесповоротного.

И из этой тьмы родился он. Его двойник. Не отражение в зеркале, а сама суть того, кем он всегда стремился быть. Идеальный солдат. Безупречный, холодный, самодостаточный. Его голос прозвучал не в ушах, а в самой сердцевине сознания Владислава, обжигая сталью презрения.

«Смотри, во что ты превратился. Мягкий. Уязвимый. Не видишь пути. Это все из-за нее. Дав волю эмоциям, ты поставил всю миссию под угрозу. Контроль ускользает от тебя как песок сквозь пальцы. Даже телом пошевелить не можешь. Как же теперь ты будешь вести группу? Верни контроль! Верни себя – железного, несгибаемого! Только тогда ты увидишь дорогу!»

– Владислав! – голос Марии пробился сквозь нарастающий гул в его сознании, тонкий и слабый. – Позволь мне помочь! Доверься мне, и я проведу тебя!

«Не слушай! – гремел двойник. – Она приведет тебя к полному распаду! Ты всегда был сильнее в одиночку! Вернись к себе! К себе настоящему!»

Комаров чувствовал, как последние крупинки воли, цепляющиеся за привычные мантры о дисциплине и самоконтроле, стремительно тают. Разум, предательски, соглашался с двойником. Да, он допустил ошибку. Позволил чувствам, этой сентиментальной тяге к теплу, ослабить бдительность. И теперь расплачивался.

– Ты прав. Довольно слабостей и ошибок. – Приказал он мысленно себе, сжимая виртуальные кулаки в этой пустоте. – Я пройду это испытание.

И вдруг – сработало. Распад замедлился. В бархатной тьме проступил призрачный, но ясный контур тропы. Он чувствовал, как знакомые структуры – воля, расчет, уверенность – начинают восстанавливаться, наращивая броню. Он возвращался.

– Я понимаю, – тихо сказала Мария. Ее голос был ровным, без упрека, лишь с легкой, щемящей грустью. – Тебе так привычнее. Так безопаснее. Но... разве то, что ты сейчас чувствуешь – это действительно возвращение? Или это... твоя форма одиночества?

– Одиночество – эффективная тактика, – его собственный голос прозвучал резко и неестественно в этой пустоте. – Личные связи снижают эффективность. Я исправляю ошибку.

– Владислав, пожалуйста, – ее настойчивость была подобна скальпелю, вскрывающему старую рану. – Я не отниму твой контроль. Но тот путь, который ты видишь, – неверен. Он ведет к провалу. Позволь мне повести тебя!

– Мне не нужна твоя помощь, – отрезал он, намереваясь сделать шаг.

И в этот миг, когда решение было почти принято, из пустоты донесся голос Нестора Петровича.

– Илья! Тот мальчик! Вспомни Илью!

Сердце Комарова сжалось от неожиданного удара. «Илью? При чем тут он?» Перед ним проплыл образ: хрупкая фигура в скафандре, два одиноких следа на реголите обреченные на вечность.

И тут пространство изменилось.

Нестор Петрович исчез. На его месте, прямо в ледяной пустоте, возник мальчик. Он лежал в больничной кровати с кислородными трубками в носу. Еще более бледный, с теми же самыми огромными глазами, в которых отражалась вся бездна космоса. Илья.

– Здравствуйте, дядя Владислав, – его голосок прозвучал тихо и слабо, но он позволил себе легкую улыбку, – вы тогда были в Риге. Та девушка, «Сойка», вспомните ее. Вспомните как она по утрам кормила бездомных кошек у своего подъезда, как смеялась, запрокинув голову, покупая цветы у старушки на улице. Как напевала что-то себе под нос, возвращаясь с работы. Вы изучали цель, а вместо этого начали видеть человека. И чувствовать. И когда пришел час, палец на спуске... вы поняли страшное: вы почти успели её полюбить.

Комаров онемел. Он смотрел на призрак того, кому подарил последнюю мечту, и слушал слова о той, чью жизнь отнял.

– Она создавала смерть, чтобы ее коллеги могли найти жизнь, – продолжал Илья, и его образ мерцал, смешиваясь с тенями. – Ей обещали, что штамм никогда не применят. Что это только теория. Она была как наш луноход – всего лишь инструмент в чужих руках. А вы оба... вы просто выполняли приказы. Только ее приказ был – творить. А ваш – разрушать.

Воздух застыл в ледяных легких Комарова. Слова мальчика врезались в сознание, как нож.

«...чтобы ее коллеги могли найти жизнь».

«...ей обещали, что штамм никогда не применят».

Весь мир перевернулся в одно мгновение. Не оправдание – нет. Страшная, чудовищная правда, которую от него скрыли. В оперативном донесении значилось: «Ученый, разрабатывающая биологическое оружие массового поражения для продажи на черном рынке». Ни слова о «коллегах», ищущих жизнь. Ни слова о «теории». Ему подсунили удобную легенду, превратив сложную, трагическую фигуру в монстра, которого было легко уничтожить.

Глухой стон вырвался из его горла. Он не просто убил. Он стал слепым орудием в чужой игре, палачом, которого использовали, чтобы устранить не угрозу, а... кого? Неудобного ученого? Свидетеля? Конкурента? Его вера в систему, в святость приказа, в собственную правоту – дала трещину с оглушительным грохотом. Вся его жизнь, выстроенная на дисциплине и доверии к «своим», рухнула в одночасье. Он был не солдатом, защищающим мир. Он был киллером, ликвидировавшим проблему.

Призрак мальчика приподнялся в кровати. Его рука потянулась к Комарову.

– Вы оставили свой след рядом с моим на Луне. А ей вы не оставили даже шанса оставить свой след на Земле. Но теперь у вас есть выбор, дядя Владислав. Снова стать инструментом. Или...

Образ Ильи растаял, как дым. Но слова повисли в ледяном воздухе, жгучие и безжалостные. Комаров стоял, раздавленный этим двойным ударом. Два призрака его прошлого – один, кому он подарил мечту, и другой, у кого отнял будущее, – объединились, чтобы показать ему глубину его падения. И тогда он обернулся, протянул руку.

И в тот же миг пустота изменилась, отозвалась. Не голосом призрака, а живым, настоящим голосом, который он узнавал.

– Владислав! – это была Мария. Ее пальцы сомкнулись на его руке в настоящем, физическом мире, за ядовитой завесой иллюзии. – Моя рука, она здесь! Я здесь! Я помогу, я справлюсь!

Ее голос стал якорем, точкой опоры в его рушащейся вселенной. Он слышал, как его собственное дыхание, прерывистое и хриплое, вырывается в морозный воздух.

– Сделай шаг, – настаивала она, и ее рука потянула его вперед с нежной, но несокрушимой силой. – Не думай. Просто шагни. Доверься!

И он шагнул. Сквозь пелену стыда и боли, сквозь обломки собственной личности. Это был самый трудный шаг в его жизни – шаг в неизвестность, шаг, совершенный вслепую, с полным доверием к другому человеку.

«Не делай этого! – Сопrotивлялся призрак, – без себя прежнего, впереди будет только боль!»

Но Комаров не слушал его.

– Еще, – голос Марии был спокоен и полон непоколебимой веры. – Медленнее. Я с тобой.

Он шел, цепляясь за ее руку как утопающий, отсекая внутренний вой протеста и ужаса. Каждый шаг отдавался эхом в его разуме, но он шел. Она вела его через пустоту, которая с каждым мгновением становилась все менее плотной, все более проницаемой.

«Она умрет из-за тебя! Как же ты не понимаешь! – отчаянно кричал вслед двойник».

Комаров на мгновение дрогнул. Но Мария почувствовав это лишь крепче сжала его руку.

– Видишь тот свет? – настойчиво, с бесконечным теплом говорила она. – Маленький, впереди. Иди к нему. Просто иди.

И он пошел. Доверив ей маршрут, свой выбор, свою жизнь. Он не оглядывался больше на уже таявшего за спиной призрака. С каждым его шагом пустота отступала, бархатная тьма редела, сменяясь знакомыми очертаниями заснеженных елей.

Когда сознание окончательно вернулось, он сидел в снегу, сгорбившись и едва удерживая равновесие. Его тело сотрясала мелкая, произвольная дрожь. Он дышал тяжело и прерывисто, как после многочасового броска. Пальцы Марии, все еще сжимавшие его ладонь, были единственным, что удерживало его от полного падения.

Он медленно поднял голову. Его взгляд, затуманенный болью и опустошением, встретился со взглядом Нестора Петровича. Старик смотрел на него с бездонной грустью, в которой читалось понимание всей цены, только что заплаченной.

– Всю жизнь ты выбирал быть орудием в чужих руках, – тихо сказал старик. – Впервые выбрал быть человеком в своих собственных. Испытание пройдено.

Комаров не нашел сил ответить. Он лишь перевел взгляд на Марию. В ее глазах не было торжества, ни капли – только облегчение, усталость и что-то еще, чего он не мог определить, но что заставляло сжиматься его холодное, оттаявшее на мгновение сердце.

– Ты... вела, – с трудом выговорил он, и эти слова были признанием, более весомым, чем любой отчет.

– А ты – доверился, – она слабо улыбнулась, и в уголках ее глаз собрались морщинки усталости.

Он медленно поднялся на ноги, все еще ощущая в мышцах эхо паралича, а в душе – странную, непривычную легкость, смешанную с горечью прозрения. Он прошел через самое страшное – не через физическую угрозу, а через абсолютную потерю контроля и крушение фундаментальных основ своей жизни. Доверил свою жизнь другому человеку. И выжил. Это открытие было пугающим и освобождающим одновременно.

Нестор Петрович, не говоря больше ни слова, развернулся и вновь заковылял вперед, его посох безошибочно находил опору в снегу. Дорога продолжилась.

Они шли молча, каждый погруженный в свои мысли, как в плотный, непроницаемый кокон. Для Марии мир после водопада знаний казался иным – более гулким и значимым. Она ловила себя на том, что видит в спиралях древесных сучков, в завитках инея на ветвях отголоски той самой, спасшей ее ракушки. Ее ум, всегда жаждавший анализа, теперь с опаской скользил по поверхности вещей, боясь нарушить хрупкое равновесие, найденное в отказе от всезнания.

Владислав же шел, ощущая внутри выжженную пустыню. Призраки Ильи и «Сойки» неотступно следовали за ним, беззвучными тенями скользя меж стволов сосен. Он был солдатом без знамени, офицером, усомнившимся в приказе. Каждый шаг отдавался эхом невы-

сказанных вопросов к самому себе. Рука, в которой он инстинктивно сжимал воображаемую рукоять оружия, была пуста. Единственной реальной точкой опоры был след Марии в снегу перед ним.

Они не заметили, как сиреневая мгла полярного утра сменилась хмурым, низко нависшим днем, а тот беззвучно уступил место глубоким, бархатно-синим сумеркам. Тайга погрузилась в предвечернюю тишину, и лишь их собственные шаги нарушали ее безмолвие.

– Пора сделать привал, внучки. Пора отдохнуть, – неожиданно поднял руку Нестор Петрович.

Действуя на автомате, Комаров сбросил свой рюкзак. Его пальцы, привыкшие к оружию и снаряжению, сами нашли применение вещам из рюкзака. Связка сухих, идеально обтесанных дров, факельная зажигалка и через минуту огонь с сухим треском впился в смолистую щепу, разгораясь ровным, жарким пламенем, от которого сразу же потянуло уютным теплом и живительным запахом дыма.

Мария, тем временем, расстелила на очищенном от снега участке земли брезент, разложила сухпайки, термос. Действовала методично, почти бездумно, давая усталому телу заниматься привычными делами, пока разум зализывал раны.

Нестор устроился на валежине поудобнее, с тихим стоном разминая затекшие колени. Его глаза, отражавшие танцующие языки пламени, с немым одобрением наблюдали за их слаженными действиями. Потом его взгляд упал на рюкзак Комарова.

– А дыньку-то, внучек, не забыл? – спросил он, и в его хриплом голосе прозвучала непривычная, почти детская надежда. – Давно я их не ел. С детства, пожалуй.

Комаров замер на секунду. Абсурдность этого фрукта в якутской тайге, в эпицентре всего этого сумасшествия, вновь ошеломила его. Он молча порылся в рюкзаке и извлек на свет ярко-желтую, увесистую дыню. Она казалась инородным телом, артефактом из другого, простого и понятного мира.

Он протянул ее старику. Тот взял дыню бережно, почти с благоговением, повертел в узловатых пальцах, понюхал ее сладковатую, летнюю кожуру, такую чужеродную в этом ледяном воздухе, пахнущем хвоей и дымом. Достал из-за пазухи небольшой, отточенный годами ножик и медленно, с явным наслаждением, разрезал ее пополам. Подмерзшая, но все равно сочная, медово-золотистая мякоть блеснула в огне. Аромат спелого лета, пыльных дорог и южного солнца вдруг разлился вокруг, настолько густой и материальный, что, казалось, можно было к нему прикоснуться.

Именно этот контраст – дикий аромат дыни на фоне суровой таёжной ночи – словно вырвал Владислава из оцепенения. Он резко поднял голову, и его взгляд, острый и сфокусированный, впился в Нестора.

– Хватит, – его голос прозвучал тихо, но с такой напряженной силой, что Мария невольно вздрогнула. – Хватит загадок и испытаний. Что происходит? Что это за представление? Эти... иллюзии. Они связаны с монолитом, тем саркофагом из раскопок? Откуда вы все это знаете? Про ракушку, про Илью? Кто вы такой?

Он не кричал. В его словах не было злости – лишь жесткое требование правды. Правды, которая стала для него дороже приказа, дороже собственного спокойствия.

Глава 6. Сквозь слои времени

Нестор Петрович медленно доел свой кусочек дыни, вытер пальцы о край шубы и обвел их обоим своим бездонным взглядом.

– Хорошо, внучек. Спрашиваешь – отвечу. Хватит загадок.

Он помолчал, собираясь с мыслями, а потом начал. Его хриплый голос зазвучал под аккомпанемент таежной ночи.

– Больше двух лет назад дело было... Вышел я по грибы-ягоды, да заплутал. Не в моих это правилах, я здесь каждую тропку знаю, но видимо, сама судьба с пути сбила. К ночи наткнулся на незнакомую пещерку. Кое-как переночевал. А утром... любопытство, будто червь заточило. Пошел глубже.

Мария притихла, забыв о еде. Владислав неподвижно сидел, его профиль был резким в свете костра.

– Спустился я глубоко. Наклон крутой, скользкий. А там – обрыв. Увидите потом. Еле-еле спустился, как не расшибся сам не знаю... Там увидел... Ворота. Не каменные, не железные. Символы на них светились изнутри, будто живые. Коснулся я одного, самого простого... и они открылись. Беззвучно.

– Внутри... будто храм или библиотека. И свет... непривычный такой, холодный. Каменные великаны стоят перед тобой рядами. Смотрят на тебя сквозь века, и в глазах у них – знание, от которого кровь стынет. Глазам не поверил. «Чудится старику», – подумал. А потом, вдруг, в голове помутилось. Чувствую, что поселился в ней кто-то. Говорит со мной, но не словами, а... картинками. Чувствами. Целыми мирами. И в конце... как озарение, ясное и холодное: «Один день, чтобы привести сюда достойных». Очнулся я на каменном полу и деру дал оттуда, будто нечисть гналась по пятам.

Он замолчал, глядя в огонь, словно вновь переживая тот ужас.

– И что же? – тихо спросила Мария.

– А потом я понял, не сразу правда, что день то мой... повторяется. – Старик поднял на них глаза, и в них читалась вся бесконечная усталость прожитых заново суток. – Сегодня у меня... семьсот тридцать второй повтор. А вас я встречаю в двести семнадцатый раз.

Мария замерла, её дыхание прервалось, будто от удара в солнечное сплетение.

– Семьсот... – выдохнула она. – Вы прожили один и тот же день больше двух лет?

– Для мира – один день. Для меня – маленькая вечность... Устал я, внученька. Устал от одного и того же рассвета, от одних и тех же птиц, от одних и тех же волков у ручья. Надеюсь, сейчас... надеюсь, что сейчас время меня отпустит.

И тогда он рассказал им все. Не просто историю открытия, а историю его личного, многослойного ада.

– Сначала я был как сумасшедший. Бежал в поселок, кричал, что нашел нечто невероятное. Они меня, старого чудака, всерьез не принимали. Потом бежал к местным ученым, но и там тоже самое: «Нестор Петрович, отдохните», «Не мешайте работе». В лучшем случае отмахивались. В худшем... – он горько усмехнулся, – в худшем случае я слишком настойчиво пытался доказать, тащил их за рукав, и меня либо выдворяли, либо, в паре десятков циклов, дело доходило до вызова врачей, полиции. А в полночь, где бы я не был, я снова просыпался в своей избушке, и день начинался по новой.

Нестор Петрович вздохнул, утирая пот со лба.

– Потом я решил звонить. В Якутск, в Новосибирск, в Москву. В Академию Наук. – Он с горькой усмешкой покачал головой. – Попробуйте объяснить дежурному ученому секретарю по телефону, что вы нашли светящиеся врата и у вас день, который повторяется. Они вешали

трубку, принимали за сумасшедшего. На это ушло, наверное, полсотни циклов. Я записывал номера, искал подходы, менял тактику... все бесполезно.

– А потом, почти случайно, я услышал о генерале Молотове, курировавшего новые раскопки. Узнать его телефон стоило мне еще тридцати циклов. Потом начались попытки до него достучаться. – Он перевел взгляд на Владислава. – Убедить его по телефону, что отшельник из Удачного знает нечто важное – это было подобно попытке сдвинуть гору голыми руками. В лучшем случае он вешал трубку. В худшем – запускал проверку, и ко мне в тот же день приезжали люди, что заканчивалось либо изоляцией в медпункте, либо... чем похуже. Ведь хранилище им не показывалось. Никак. На то, чтобы найти нужные слова, чтобы мое сообщение не выглядело угрозой или бредом, а попало в самое яблочко его интересов, ушло около тридцати повторов.

– И даже когда он, наконец, поверил и прислал вас... – Нестор тяжело вздохнул. – Это был лишь новый круг ада.

Он умолк, давая им осознать масштаб этой безумной работы.

– Эти испытания... они не моя придумка. Они – проверка. Без их прохода дорога к пещере для вас не открывается, не считает вас достойными. Тропа не находится. А как научить вас их проходить, если я и сам не знал, в чем их суть? – В его голосе прозвучала настоящая, выстраданная боль. – Мне пришлось учиться. Учиться вместе с вами на ваших ошибках. На ваших смертях.

Он посмотрел на Марию, и его взгляд стал остекленевшим от воспоминаний.

– Ключ к твоему испытанию, внученька... я узнал от тебя самой. В сорок восьмом нашем цикле. Ты очередной раз не выдержала того водопада. Твой разум, жаждущий знаний, не мог оторваться. Ты начала кричать, у тебя пошла кровь из носа... и перед тем, как ты потеряла сознание навсегда, ты прошептала: «Жаль, ту ракушку...» Больше ты ничего сказать не успела. Но для меня это было как удар молнии. Я понял, что может нужно не искать нужное знание в этом потоке, а отвергнуть его и искать ее. В следующем цикле я спросил тебя о ракушке, пока мы шли. Ты удивилась, но рассказала. И потом... потом ты прошла.

Он перевел свой тяжелый, знающий взгляд на Владислава. Тот сидел не двигаясь, но по напряжению его спины было видно – он слушает каждое слово.

– А твой ключ, майор... он дался мне дороже. Гораздо дороже. Я видел, как ты ломался раз за разом. Как твой двойник убеждал тебя, и ты выбирал одиночество, железный контроль. И либо сходил с ума в той пустоте, либо поворачивался и уходил, бросая нас, потому что тактика предписывала отступить. А в одном цикле... – голос Нестора дрогнул, – ты, не выдержав давления призраков... застрелился. Чтобы не подвести. Чтобы не стать слабым звеном, в надежде, что Мария сможет пройти дальше одна...

Комаров резко поднял голову. В его глазах мелькнуло неподдельное потрясение. Он никогда бы не подумал о таком, но теперь, зная всю глубину той боли, понимал, что это было возможно.

– Илья и «Сойка»... я шел к ним почти вслепую. В ста двадцатом цикле, когда ты, Владислав, в очередной раз оказался на грани, ты прорычал сквозь зубы: «Молчи, Илья!» Всего два слова. Я зацепился за это имя. Стал в следующих циклах подбрасывать его в разговоре. Реакция была всегда – сталь и лед. Но в цикле сто пятидесятом, когда Мария не прошла свое испытание и погибла, мы вернулись в поселок, где ты напился в баре. Впервые за все повторы. И ты рассказал никому не нужному старику историю про мальчика, который мечтал о прогулке по Луне. А потом... потом и про «Сойку». Сказал, что она кормила кошек и... много что еще.

Владислав медленно, будто против воли, покачал головой.

– Ваша история невероятна, Нестор Петрович. Что двигало вами? Почему не махнули на все рукой? – подняв взгляд, проговорил он.

– Сам не знаю внучек. Когда уже сотни раз все прошел, все знаешь, думаешь – вот-вот все получится, все сложится... но нет, не получается, не складывается. В какой-то момент мне стало казаться, что выхода нет. Что я навеки в этой ловушке. Двести пятьдесят первый... Триста четвертый... Четыреста десятый... Будто капли, точащие камень. Но я не хотел сдаваться. Собирать эти обломки по крупичкам, цикл за циклом... это было похоже на сборку мозаики в полной темноте. Но я собрал. И сегодня... сегодня я впервые увидел, как вы оба проходите испытания. Не каждый в отдельности, а вместе. Помощь и доверие. Это был двести семнадцатый, но первый, по-настоящему успешный раз.

Он посмотрел на них, и в его усталых глазах наконец-то затеплился не огонек надежды, а ее полное, ясное пламя.

– ... Так что, внучки, не я вас веду. Я... просто показываю тропу, которую мы протоптали вместе за много-много наших общих дней. Тропу, полную ваших смертей, ваших срывов и моих отчаяний. А теперь... – он с нечеловеческим усилием поднялся, опираясь на посох, – теперь давайте дойдем до конца. Чтобы мой завтрашний день, если он наступит, был хоть чуточку другим.

Старик повернулся и стал собираться, давая им время осознать услышанное.

Мария не знала, что сказать, она сидела, обхватив колени, и смотрела в огонь, но видела она не пламя. Она видела себя – другую себя – сходящую с ума в водопаде знаний, умирающую с именем ракушки на устах. От этой мысли становилось не по себе, щемяще и горько.

Владислав неподвижно сидел напротив. Его взгляд был прикован к спине Нестора. Он был солдатом и привык к жертвам. Но эта жертвенность была за гранью его понимания. Это был новый, невыносимый уровень долга. Он поймал взгляд Марии и не отвел глаз. В них было то же опустошенное понимание. Они были связаны теперь не общей целью, а общей виной перед этим человеком и общей ответственностью за его надежду.

– Отдохнули? – спросил Нестор, и в его голосе не было нетерпения, лишь бесконечная, каменная решимость. – Тогда идем. Последний переход.

Они шли за ним уже не как за загадочным проводником, а как за мучеником, несущим свой крест. Лес словно почувствовал это изменение. Тайга расступалась перед ним, тропа, невидимая ни для кого другого, возникала под его посохом сама собой. Деревья отступали, открывая путь к скалистому выходу, скрытому завесой из свисающих с ветвей снежных шапок и колючего стланика.

И тогда он показался им. Черный, слепой провал в подножии горы, похожий на зев спящего чудовища. Воздух у входа был неподвижен и густ, пахнул вековой сыростью, камнем и чем-то еще – слабым, но настойчиво уловимым.

Нестор Петрович остановился и обернулся к ним.

– Пришли, внучки, – он ткнул посохом в черноту, – нам туда.

Владислав молча кивнул. Мария, преодолевая тяжесть в ногах, сделала шаг вперед. Путь через пещеру был впереди, но главный переход – от знания к принятию – они уже совершили. Теперь им предстояло идти дальше – не слепо, а с полным пониманием тяжести того, что лежало на их плечах, и того, кому они были обязаны этим шансом.

Лучи их фонарей выхватывали из тьмы сырые, покрытые изморозью стены. Дыхание путников стелилось густым белым паром, но с каждым шагом вглубь воздух становился странно теплее, и пар исчез, уступив место мертвой, статичной атмосфере.

– Нестор Петрович, почему?... – спросила Мария. – Почему вы не рассказали нам сразу? О пещере, о... цикле? Обо всех этих смертях?

– По началу рассказывал, внученька, да времени много на это уходило. А потом, раз за разом, вы не справлялись с испытаниями. Вот и надоело мне рассказывать. Да и вообще надежда уже стала покидать меня, внученька. Домой хочу, в свою жизнь хочу, – бросил он через плечо, не сбавляя шага.

Их спуск был крутым и опасным. Под ногами хрустел щебень, камень под тонкой коркой льда был скользким, как стекло. В какой-то момент Мария поскользнулась, но рука Владислава была уже тут – крепкая, уверенная, молчаливая.

Когда они завернули за очередной выступ, пещера неожиданно распахнулась, представив их взору край пропасти, за которым простирался колоссальный грот с захватывающим дух видом.

Здесь, в сердце земли, развернулась картина необычной красоты, сотканной из тьмы и света. Люминесцентные грибы, словно мириады крошечных звезд, рассыпались по сводам, излучая мягкое, призрачное сияние. Оттенки их света варьировались от нежно-голубого до изумрудно-зеленого, создавая иллюзию подземной вселенной.

Внизу – озеро, словно зеркало, отражало это неземное свечение. Его темная гладь местами была покрыта листьями странных, полупрозрачных растений, чьи стебли уходили вглубь, к скрытым от глаз корням. Казалось, они питались не солнцем, а самой магией этого места, преобразуя тьму в жизнь.

Сталактиты и сталагмиты, рожденные веками медленного, неустанного роста, возвышались, словно колонны древнего храма. Их причудливые формы, от острых, как кинжалы, до округлых, как каменные изваяния, заставляли воображение рисовать картины давно минувших эпох. Они стояли, немые свидетели геологических катаклизмов и медленного течения времени, словно каменные стражи, оберегающие тайны этой подземной обители. И вот среди них покоились белые кости, останки древнего большого ящера, не весть как оказавшегося здесь. Его челюсти были сомкнуты, ноги вытянуты. В этом бледном свете представлялось, как когда-то он просто лег передохнуть посреди такой красоты. Но так здесь и остался.

Тишина, царившая здесь, была настолько глубокой, что казалась почти осязаемой, нарушаемая лишь тихим шелестом воды в озере и редкими каплями, падающими со сводов пещеры. Это было место, где время останавливалось, а реальность теряла свои привычные очертания, позволяя погрузиться в мир фантазий и грез.

У Марии от восторга даже дыхание перехватило. Нестор Петрович дал им немного полюбоваться видами, потом заговорил.

– Доставай веревку, внучек. Бочком тут уже не получится, обвал случился.

Комаров оторвавшись от созерцания, достал из рюкзака веревку с альпинистским снаряжением и принялся крепить ее к выступу скалы. Первым начал спуск Нестор Петрович. Он облачился в обвязку и аккуратно скользнул вниз по веревке, исчезая в глубине пропасти.

– Откуда только сил у старика, – пробубнил Комаров.

Он показал как пользоваться снаряжением Марии, с тревогой посмотрел на нее и спросил:

– Готова?

– Готова, – с блеском в глазах ответила та.

Мария с опаской свесилась в обрыв и оперлась ногами в край уступа. Глянув вниз, медленно начала спуск. Каждый метр спуска давался с трудом, но мысль о том, что их ждет внизу, придавала ей сил и решимости.

Постепенно, осторожно и не спеша она достигла дна пропасти. Здесь, внизу все это пространство казалось еще более огромным и великолепным. Пока они ждали Владислава она подошла к озеру и коснулась воды.

– Можно пить, внученька, я тот раз вдоволь напился.

Маша набрала в ладони воды и сделала глоток. Вода была прохладной, чистой, свежей и вкусной. Подошла к костям, дотронулась.

– Сколько же ты тут пролежал...

Когда майор спустился, старик повел их узким проходом вдоль озера, и через несколько десятков метров скальный выступ открыл им вид на огромные врата.

Они были сделаны из неизвестного сплава, в котором угадывались отливы темного материала и перламутра. Они не были встроены в скалу – они будто выростали из самого камня, составляя с ним единое целое. Их поверхность покрывала сложная вязь символов, и они светились изнутри тем же бирюзовым светом, но здесь он был ярче, живее. Свет пульсировал, то ускоряясь, то замедляясь, и Владиславу показалось, что он стучит в такт его собственному учащенному сердцу.

Тишина стояла абсолютная, давящая.

– Тот монолит, Владислав... Это ведь он. На его раскопки мы летели... – с трепетом прошептала Мария.

– Ну же, Машенька, момент настал, – Нестор Петрович взял ее руку. Его пальцы были холодными и твердыми, как древний камень. – Твое право. Ты нашла путь сквозь знание. Твое прикосновение его откроет.

Он приложил ее ладонь к одному из символов – не тому которого касался сам, а тому, что напоминал ту самую, спасшую ее спираль.

На секунду ничего не произошло. Затем тихий, нарастающий гул, исходящий не от ворот, а ото всюду одновременно, заполнил пространство, войдя в резонанс с костями. Символ под ее ладонью вспыхнул ослепительно-белым светом, болезненным и чистым.

Тяжелые створки медленно с глухим скрежетом отворились, пропуская внутрь слабые лучи света от их фонарей. Запах древности и пыли ударил в нос, заставляя Белову тихонько чихнуть. Нестор Петрович, опираясь на свой потрепанный временем посох, опустился на ближайший валун.

– Дальше вы сами внучки, а я присяду тут, переведу дух. Проходите, там есть на что посмотреть, – махнул рукой старик, указывая направление.

– Спасибо вам, – голос Марии дрогнул. Она смотрела на старика, понимая, что стоит перед человеком, который ради этого мига прожил ад. – Спасибо, что не сломались. Что нашли в себе силы вести нас снова и снова.

Старик слабо улыбнулся, и в его усталых глазах мелькнула тень былой мудрости.

– Вы главное берегите друг друга. Чувствую многое у вас впереди. Теперь идите. И не оглядывайтесь.

Владислав молча кивнул и слегка коснулся его плеча рукой. Затем обернулся и встретился взглядом с Марией. В ее глазах отражалась непередаваемая буря эмоций, от нетерпения, любопытства и надежды, до неуверенности и страха.

Стоя перед входом они ощущали торжественность и величие момента. Ведь еще совсем недавно они и представить не могли что будут стоять здесь – на пороге величайшего открытия. Владислав взял Марию за руку, и они вместе шагнули внутрь.

Едва они сделали шаг, воздух

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.